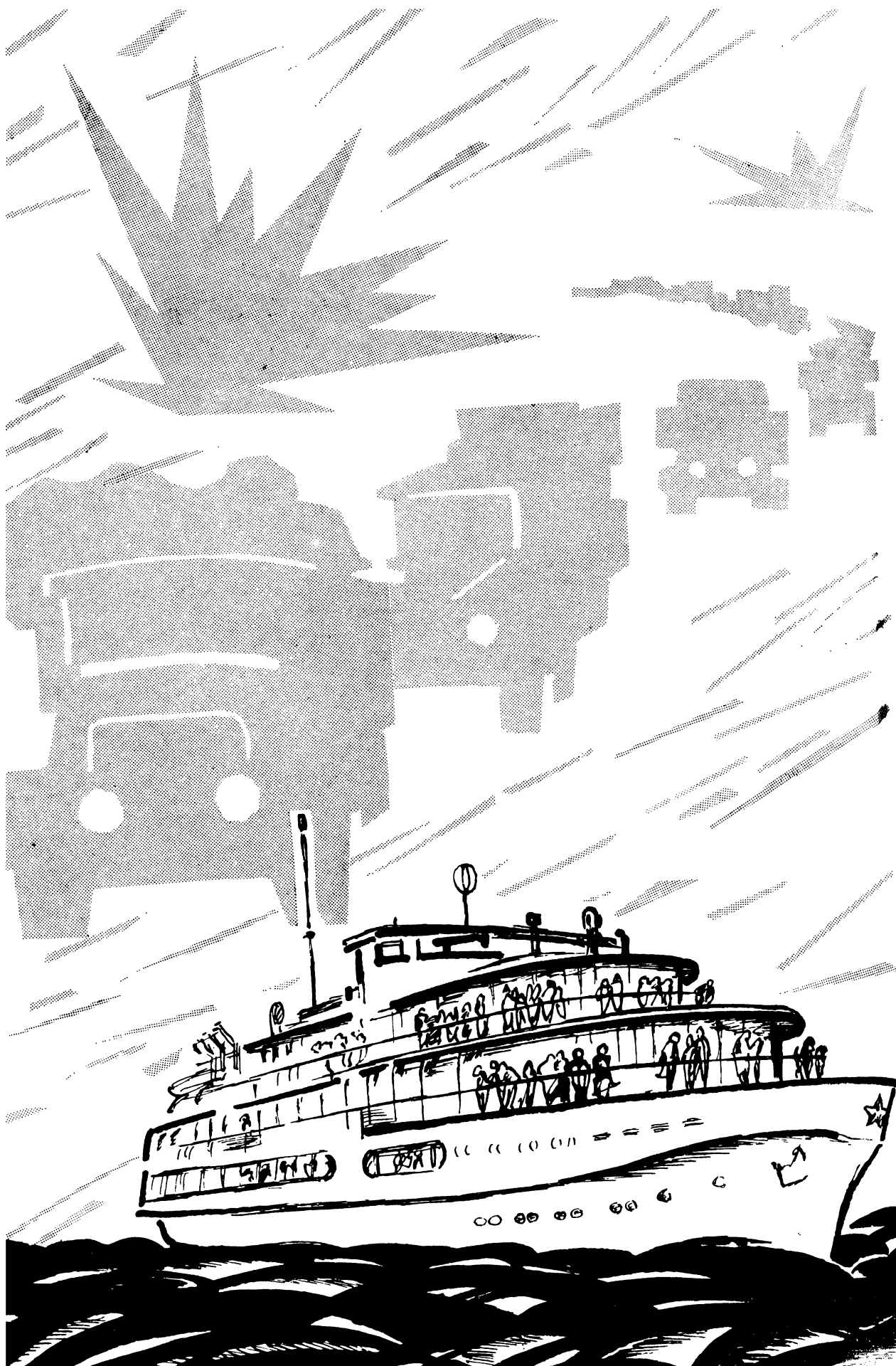

Искорка

Иван ДЕМЬЯНОВ

ЯНВАРЬ • 1968
год издания 11

газеты
«оленинские
искорки» —
орган
Оленинградского
Обкома и
ОблЗСО
Оленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Пароход идёт на Валаам

*Водителям «дороги жизни»
Живым и мёртвым — посвящаю.*

По звенящим ладожским волнам
Пароход идёт на Валаам!..
Чуть качает
Синева без края!..
Сквозь дремоту слышу

микрофон:

«Трассу жизни мы пересекаем!..
А ресницы крепче сон смыкает—
И меня унёс в былое он:
Будто я на ледяной дороге —
Ладогу седую узнаю...
На КП приказывают строго:
— Поскорей машину сдай свою...
Принимай двухпалубный, —

картинка!.. —

Сивогривый мчит... за валом вал,
В чаек превратились вдруг

снежинки

И в руках другой уже штурвал.

Экскурсантов ветерок ласкает,
И вода, вода — со всех сторон...
— Трассу жизни мы

пересекаем! —

Говорю, вздыхая, в микрофон. —
Мы её сейчас пересекаем,
И свиданье краткое дано
С теми, кто сжимает руль

руками

И его не выпустит веками —
Мы идём...

на Ладожское дно!..

Сбились тучи, застилая запад,
Смолкли песни сразу...

Тишина!

Провела по стёклам чёрной

папой

Ладожская вёрткая волна,

Ниже!
 Ниже!
 Сотня метров!!
 Двести!!!
 Словно в лифте ласковый
 толчок...
 Грянул гулкий голос:
 — Вы на месте! —
 Брызнул света синего пучок...
 Рыбы в стёкла тычутся носами,
 Раки с липкой тиной на клешнях.
 — А теперь на всё смотрите
 сами,
 Дно расскажет о минувших
 днях! —
 Кто-то снова, синим светом
 брызнув,
 Зашагал в болотных сапогах...
 — Не для всех была дорогой
 жизни
 Трасса, утонувшая в снегах!.. —
 Голос смолк.
 И свет ударил яро —
 И машин ко дну прижалась
 тьнь:
 Загорелись фары, фары, фары,
 Как в туманный ленинградский
 день!
 Полоса расплывчатого света
 Ладожское дно пересекла...
 Но забыта скорость —
 Струи ветра
 Не текут с кабинного стекла..
 В проржавевших баках
 нет бензина,
 Да и ехать некуда — тупик!..
 Но забвенье не придёт
 к машинам,
 Не придёт и к тем, кто их
 по льдине
 Вёл под хмурым небом
 напрямик.
 Им с дороги трудной крепко
 спится.
 — Тихий ход! — команду отдаю.
 А в кабинах — лица, лица, лица...
 Вдруг, где полумрак уже
 ютится,
 Я друзей-шофёров узнаю!
 И меня узнали:
 — Здравствуй, ты ли!! —
 В полушубках,
 вязнут в топкий ил...
 В тёплых шапках, —
 как ушли из были
 В ночь, когда снаряд воронки
 рыл!..

Снова гулкий голос:
— По машинам!! —

И они — вернулись...
Целый взвод...
Тиною опутанные шины,
В кузовах блокадный всё народ...
Голодом иссушенные лица,
На губах проклятие войне,
Может быть, доныне хлеб им
снится

С кружкой снега
на скупом огне!!

Снова голос:
— Срок истёк,
живые!

Поднимайтесь,
не тревожьте сон!.. —
Фар погасли стрелы огневые,
Хлынул мрак густой со всех
сторон.
— Полный ход! — даю команду
снова.

Дрогнул винт, взбивая донный ил.
Из утробы Ладоги суровой
Пароход к лучам весёлым
всплыл...

Я проснулся —
запах сосен острый.
На простор смотрю из-под руки:
Вот плывёт навстречу
светлый остров,
А за ним как утки — островки!
Я смотрю в открытое оконце
Каждый листик с лужицею
солнца!

Каждая травинка ждёт поэта,
И в короне пены синь волны...
Но какой ценой

добыто это!!
Как мы это всё
беречь должны!

1966—1967 гг.

Рис. П. Вискова

Все смотрите мой пенал!

ГОСТИ сели за стол, а я бегал вокруг стола и орал:

— Смотрите! У меня! Какой пенал! Замечательный!

Мне хотелось, чтобы все видели мой пенал. Такой редкий, зелёный, от противотанкового патрона.

Папа сказал:

— Прекрати немедленно орать!

Я прекратил орать, потянул за рукав одного гостя и тихо сказал:

— Смотрите. Какой у меня пенал. Замечательный.

— Прекрати немедленно дёргать Петра Петровича! — сказала мама.

Я подошёл на цыпочках к другому гостю и сказал ему на ухо:

— Смотрите... какой у меня пенал... замечательный...

Он не расслышал.

— Вы только посмотрите, какой у меня замечательный пенал! — сказал я.

— Где? — спрашивает. Он здорово моим пеналом заинтересовался.

Но не успел я ему пенал показать, как папа закричал:

— Прекрати немедленно приставать к человеку!

Я отошёл подальше и на одного гостя пристально смотрю. Как только он меня заметит, я ему издали пенал покажу.

Но он в мою сторону не смотрел.

Тогда я привязал к пеналу верёвочку и вожу его по комнате как ни в чём не бывало. Кто-нибудь спросит, что это за штука, и я сразу пенал покажу.

Но мой пенал особенного шума не производил, и никто не спросил, что я катаю.

Только родители меня попросили перед глазами не мелькать.

Я, обиженный, ушёл в свою комнату, чтобы никогда больше к ним не выходить.

Оказывается, так и нужно было поступить с самого начала.

Уйти в свою комнату со своим пеналом.

Но ведь я с самого начала не был на гостей обижен, как же я мог так поступить?

Как-нибудь...

ЗИМА. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь.

Его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь...

Кто не знает это знаменитое стихотворение!

Володя Полуянов, ленивый мальчик, тоже знал эти строчки. Лёжа утром в своей постели, торжествуя по поводу приближения весенних каникул, он переделывал стих на все лады.

Родителям надоело упрашивать его вставать в школу, они махнули рукой на своего сына, оставили ему завтрак на столе, а сами ушли на работу.

Он всегда опаздывал в школу.

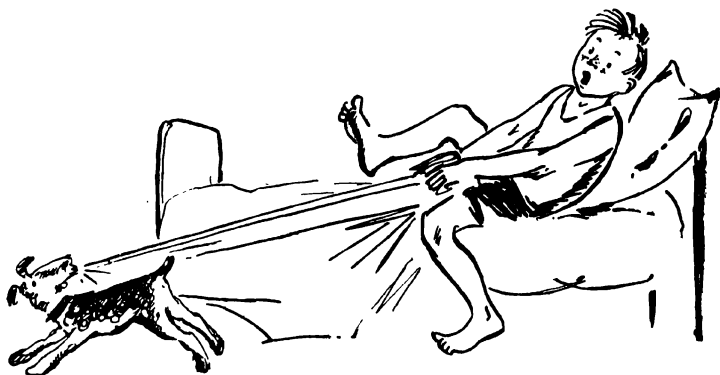
А в этот раз решил совсем не идти.

— Весна. Володя, торжествуя, по лужам обновляет путь. Дружок, каникулы почуя, с ним вместе скачет как-нибудь...

Володя вздохнул: каникулы начинались завтра.

— Мы, торжествуя, в кино могли бы завернуть. Дружок, Дружок, ты, протестуя, поменьше лай уж как-нибудь!

Дружок всю лаял, видя своего молодого хозяина до сих пор в кровати.

— Весна! весна! Тебя люблю я! Зачем за партой спину гнуть? Когда спокойненько могу я часок-другой пока заснуть.

Но спать не хотелось. Вставать тоже не хотелось. Было желание полежать.

— ...Ещё зевну я. Каникул ждать — какая жуть! Но ничего! Свободы действий дождёмся лёжа как-нибудь...

Он зевнул.

Пёс залаял.

Володя бросил в него подушкой.

Пёс заскулил.

Володя сочинил:

— Весна! Подушку в пса бросая и без подушки оставаясь, я пролежу уж как-нибудь...

Тогда Дружок, окончательно выйдя из себя, неожиданно стаянул с Володи одеяло. У всех терпение кончается.

У собак, между прочим, тоже.

Команда

СКОРО выйдем на лёд в боевом составе!

Коля Лёвушкин и Вася Васькин выздоровели от гриппа, Миша Ёлкин выздоровел от коклюша, Андрюша тоже выздоровел. Гена Вохриков приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша Камушкин, загорелый как чёрт, вернулся с отцом — послом из Индии.

Сашу Камушкина никак не ожидали. Дело в том, что хоккейная команда из шести человек состоит, и он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

— Ты нас извини, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь.

— В какую команду? — спрашивает.

— Известно в какую, — говорим, — хоккейную, не в пожарную же.

— А зачем мне в хоккейную команду? — спрашивает.

Мы как заорём:

— Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

— Хочу, хочу...

— Но мы тебя взять не можем.

— Почему?

— Вот чудак, потому что ты — седьмой.

— А вы какие? — спрашивает.

— Мы — укомплектованная команда.

— А я?

Мы друг с другом переглянулись и говорим:

— А ты — седьмой.

Он в затылке почесал и говорит:

— Ну и что?

Мы ему говорим:

— Раз ты слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмём.

Оказалось, мы ещё забыли Толика Вервердельского. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

— Может быть, шахматами займёшься? — спрашиваем.

— Могу, — говорит, — и шахматами заняться.

— А мы тебя хотели в команду взять.

— Ладно, — говорит.

— Только у нас места нет.

— Ну и не надо, — говорит.

— Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

— Берите, мне не жалко, — говорит.

— И нам не жалко, только ты, не переживай.

— Да я и не переживаю.

— Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь. Возьмём его, ребята?

В общем, мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Солнце светит. Тепло. С крыш каплет. Настроение боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка — лужа...

Саша Камушкин ходит вокруг катка и улыбается.

Дождались!

Коля Лёвушкин говорит Васе Васькину:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Камушкина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Ёлкиным стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Вася Васькин чуть не заплакал, а Андрюша встал в лужу и говорит:

— Тут ещё немножечко льду осталось, может быть, всё-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена Вохриков говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка, — и со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу Камушкина.

Мы долго вели разговоры, всё в таком же духе: никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Вася Васькин говорит:

— Ребята, давайте футбольную команду собирать, раз так вышло!

Его все поддержали, даже обрадовались.

Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам — одиннадцать человек.

Гена Вохриков кричит Саше Камушкину:

— Иди сюда, не бойся!

Тот не идёт.

Мы ему кричим:

— Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идёт.

— Я, — кричит, — могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

— Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

— Я с вами никаких дел иметь не желаю! — отвечает. — Я вас ещё сосульками не так закидаю, подождите!

— Да отстань ты со своими сосульками, — говорим. — Закидай, пожалуйста. У нас к тебе серьёзное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозит.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовём его в нашу футбольную команду, а он упирается.

— Так, так... — говорит, — теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли?

— Смотри, — говорим, — потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмём, имей в виду!

Он с трудом согласился.

Толик Вервердельский очень удивился, что он теперь футболистом будет.

— А раньше кем я был? — спрашивает.

— Раньше хоккеистом.

— Когда же я им был? — спрашивает.

Он, оказывается, даже не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, всё равно было, в какой команде состоять, лишь бы одному не быть.

Пошли по квартирам недостающих собирать.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним сами пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

— А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал своё согласие.

Другой малыш сказал:

— Сейчас у меня со временем туго. Я усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарём. Не имею права портить руки о мяч.

Вася Васькин возьми да скажи:

— А ноги тебе портить можно? — Взял музыканта за ушко да потянул.

Из-за его поступка мы, может быть, способного игрока лишились.

Пенсионер дядя Петя Макогонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Может, он пошутил, но мы ему вполне серьёзно отказали. На такого вратаря трудно положиться. С крупным счётом можно проиграть ни за что ни про что.

Забавный инцидент произошёл с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей говорим:

— Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

— А вы дураки!

Еле-еле от неё отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе вернувшийся из детской колонии бывший хулиган Николай Богданов. Я ему сразу предложил стать в воротах.

А он мне как щёлкнет в нос, да с такой силой, что слёзы из глаз потекли.

— Я, — говорит, — тебе покажу, как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

— Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

— Буду, буду стоять в воротах!

Дядя Петя говорит:

— Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты, какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

— Ловите! Ловите! — и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

— Пропадает человек, а жаль. Ничего, мы за него возьмёмся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

В кафе долго спорили, кому где играть, так расшумелись, что нас спросили:

— В чём дело, ребята? Что у вас тут происходит?

— Да вот, — говорим, — сезон начался, укомплектовываем свою команду. Хоккейную команду укомплектовали, теперь футбольную укомплектовываем.

А когда мы встали из-за стола, Саша Камушкин сказал:

— Ребята, я отдаю на общее пользование новый индийский футбольный мяч!

Саша вынес свой мяч во двор, мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

ЭТО БЫЛО В БЛОКАДУ...

Вольт СУСЛОВ

Рис. В. Орлова

Старый портфель

Света в городе не было. Запылившиеся лампочки уныло висели под абажурами и с завистью поглядывали на коптилки. У коптилок был фитиль, было какое-то вонючее, потрескивающее масло, и главное — был огонь! Маленький жёлтенький огонёчек с синенькими краями. Но у лампочек не было и такого! Они очень скучали. И очень завидовали коптилкам.

Я устраивался возле коптилок и писал письма.

Бумаги у меня было много. К новому учебному году я приготовил целую гору тетрадей! Но пришла война, а за нею блокада. Школа наша закрылась. Тетради остались без дела...

Я люблю писать письма. Любил их писать тогда, люблю и сейчас. Тогда я писал всем. Папе на фронт, бабушке на Урал, Косте Шлагбауму в Арысь.

И знаете, что самое интересное: Костя сохранил все эти мои письма!

Встретились мы с ним только через шестнадцать лет. Он приехал в Ленинград. Усталый, весёлый, шумный! И положил передо мной на стол старый потрёпанный школьный портфель.

— Держи! — сказал он. — Дарю!

— Что это? — удивился я.

— Твои письма. Все. До единого!

Я щёлкнул чуть поржавевшим замком, и на стол посыпались треугольнички, треугольнички, треугольнички... С круглыми штампами почты, с печатями «Просмотрено военной цензурой», с грозными буквами «Доплатить»... Ай-я-яй! Я посылал письма без марок!.. Бедный Костя!

— Ты будешь последним предателем, — гудел Костя, — если не расскажешь обо всём этом сегодняшним мальчишкам! Что? Ты пишешь только стихи? Ерунда! Ты умел здорово писать письма — напишешь и сейчас! Да и чего тут писать? Всё уже ведь готово! Дай слово, что сделаешь!

Я дал слово.

Но ведь нельзя же одно и то же письмо посылать два раза? Да ещё по разным адресам!..

— Тогда пиши снова, — заявил Костя.

— Как так снова?

— Прямо из сорок первого года. Потом из сорок второго. Выключи свой торшер, занавесь одеялом окно, раздобудь коптилку — и пиши! Нам сколько тогда было? Тринадцать? Четырнадцать? Вот и пиши тем, кому сейчас по тринадцать. Только ничего не забудь!

И вот я пишу.

Всем сегодняшним мальчишкам и девчонкам.

Пишу из сорок первого.

Суворов

Памятники в Ленинграде убрали. Так было надо. Ведь каждый памятник — это замечательное произведение искусства. Его беречь надо. А тут — война. Снаряды рвутся, бомбы... Упадёт какая-нибудь поблизости и может у коня ногу оторвать. Или осколками дырок наделать. Или совсем всё испортить.

Вот и решили памятники спрятать, сберечь.

Над Медным всадником выросла целая гора мешков с песком. Кони с Аничкова моста усаkali в сад Дворца пионеров. Никто даже не знал, где они закопаны. Памятник Ленину у Финляндского вокзала обшили досками, насыпали за обшивку песок. Ещё бы — такой памятник да не сберечь!

Другие памятники тоже укрыли.

А вот Суворову памятник остался.

Он стоял всё так же на своём месте у Кировского моста, и его бронзовая рука так же твёрдо сжимала рукоятку меча.

Суворов был солдатом. Он был генералиссимусом русской армии. Потому он и остался сражаться в военном городе вместе с солдатами.

Рвались бомбы, свистели и ухали снаряды, а он стоял. И даже не прикрывался щитом, который держал в другой руке. Нельзя! Как же так? Вдруг пройдёт мимо молодой солдат и увидит, что Суворов прячется? Солдат тоже может встревожиться, растеряться. Коли уж старый воин прячется, молодому-то тогда и струсить не грех! А ведь ему, молодому солдату, в бой идти! С лютым врагом сражаться!

Идут мимо памятника на фронт отряды. Новобранцы. Шинели на них топорщатся. Железки всякие брякают. Винтовки кто как держит. Только Суворов не на выправку смотрит. Выправка — что!.. Послужат и научатся. Суворов другое видит. Шинели сидят плохо, а в походке — твёрдость. Железки не пригнаны, а в глазах — решимость. У винтовки ремень ослаб, а в сердце — мужество. Значит — чудо-богатыри! Такие назад не попятятся. Города не сдадут. Значит, можно ему стоять спокойно.

А солдаты на памятник смотрят.

— Суворов с нами! — говорят. И вроде легче им от этого в бой идти. Если Суворов с ними, то уж не так страшно. Суворов никогда ни в каких сражениях не отступал. И даже враги говорили о нём: «Где Суворов — там победа!»

Уйдёт отряд — пусто на улице. И на мосту пусто. И на притихшей набережной.

Изредка пройдёт морской патруль. «Чудо-богатыри!» — говорит Суворов.

Пролетит в небе тройка наших истребителей — «Чудо-богатыри!»

А если не военные? Женщина через мост на работу спешит? Мальчишки на санках домой полено везут? Девочка какая-то с продуктовой сумкой плетётся?..

Всё равно — чудо-богатыри!

Потому что весь город — фронт. Все ленинградцы — солдаты. Все с фашистами не на жизнь, а на смерть бьются. Каждый на своём посту.

И Суворов на своём. У Кировского моста.

Непобедимый с непобедимыми.

Пушки «Авроры»

Если говорить честно, этой истории я даже не знал в те годы, во время войны. И, конечно, не писал об этом Косте в эвакуацию. Об этом подвиге я услышал уже много лет спустя, услышал недавно.

На «Авроре» принимали в пионеры большой отряд октябрат. Я тоже был с ними. И когда торжественная часть закончилась, ребята разбрелись по легендарному крейсеру, осматривая каждый уголок. Три девочки в новеньких шелковых галстуках подошли к баковому орудью, долго молча его рассматривали, даже водили по стволу пальцами. Потом одна осмелилась и спросила сопровождавшего ребят офицера-аврорца:

— Это та самая пушка?

Офицер понял, какая это «та самая», и улыбаясь кивнул.

— А другие? — спросила девочка. — Они тоже стреляли?

Вот тут-то я и услышал интереснейшую историю о пушках прославленной «Авроры». И удивился: как же так, всю войну пробыл в Ленинграде и ничего не слышал? Если бы слышал, я бы, конечно, тут же написал об этом Косте. А вот теперь, выходит, моё письмо идёт со значительным опозданием. Но всё равно рассказать об этом необходимо.

Перед войной каждый год 7 ноября «Аврора» входила в Неву и

бросала якорь в том месте у моста Лейтенанта Шмидта, откуда когда-то дала сигнал к восстанию. Праздничные ленинградцы гуляли по набережным и любовались краснознамённым крейсером. И все мальчишки знали наизусть, сколько на «Авроре» труб и сколько пушек.

Не знали они только, что этим пушкам снова придётся стрелять.

Восьмого июля 1941 года на крейсер пришёл приказ: сформировать батарею специального назначения.

Тяжёлый автокран снял с корабля девять орудий. К вечеру подошли тягачи, погрузили пушки на свои плечи, поурчали, поурчали и потащили их к Вороньей горе, к Дудергофу.

Первое орудие поставили прямо у подножия горы, неподалёку от каменного здания школы. Второе — через километр, около деревни Мурилово. Третье — ещё через километр. Четвёртое тоже... Вытянулась батарея почти до города Пушкина, до Александровки.

Каждому орудью выкопали котлован, сверху прикрыли маскировочной сеткой. Для людей соорудили землянки, для хранения боеприпасов — погреба с бревенчатыми накатами. От орудия к орудию связь протянули.

— «Охотник»!.. «Охотник»!.. Я — «Олень»! — это командир батареи старший лейтенант Иванов

вызывает первое орудие. Проверил — вызывает другое: — «Омут»!.. «Омут»!.. Как слышите?

Все позывные выбрали на букву «о»: «Охотник», «Овраг», «Ольга»...

«Ольга» — специально для старшего военфельдшера Тони Павлушкиной. Только-только закончила она Военно-медицинскую академию — и сразу на батарею. Необстрелянная ещё.

Ну да это не беда. Командиры орудий тоже недавно курсантами были. Одни в Ленинграде учились, другие — в Севастополе. Теперь — все балтийцы. Артиллеристы батареи «Аврора».

Крейсер их в Ораниенбауме стоит у причала. А они здесь — на берегу.

Впереди пехота с фашистами сражается.

— Что случилось?

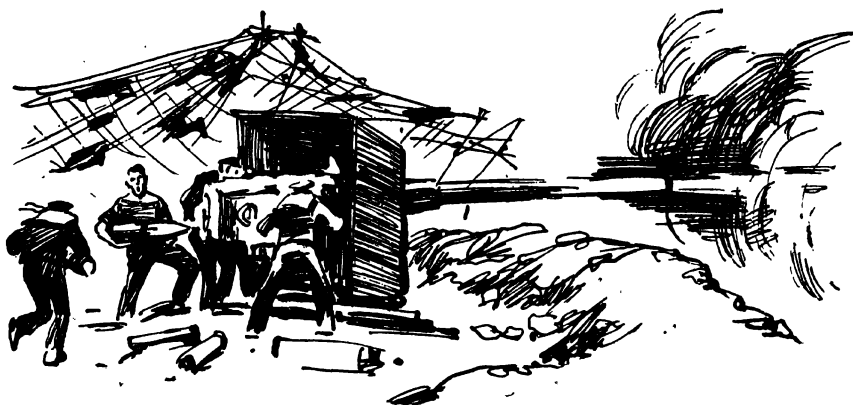
— Немцы прорвались в Дудергоф... Командир первого орудия убит... Туда пойдёт лейтенант Смаглий. А вы, доктор, на пятом останетесь. За командира...

У Тони чуть бинт из рук не вывалился.

— Я?.. Я же не артиллерист. Никаких расчётов не знаю...

— Теперь стрелять прямой наводкой придётся... Это просто. — Иванов попытался приподняться на локте, но тут же снова упал. — У вас на батарее старшина хороший... Кукушкин. Он ещё в финскую воевал. Дело знает. А вы — командир. Всё-таки военную академию окончили...

— Есть! — говорит Тоня растерянно. А сама думает: как же комбата в тыл переправить? Ка-

Позади Ленинград.

С каждым днём становилось тревожнее. Враг приближался. Всё чаще гудели над головой самолёты с чёрными крестами на крыльях. Скидывали бомбы вокруг. Батареи не замечали. Хорошо замаскировались аврорцы!

Потом начали долетать снаряды.

Ночью 11 сентября к пятому орудью добрался командир батареи. Как добрался — неведомо... Раненый, в крови весь... Тоня Павлушкина перевязывать кинулась:

кой дорогой? Где фашисты? Где наши?

Утром снова налетели самолёты. Час кружат, два... Из пулемётов строчат. Бысматривают. Низко-низко над землёй носятся. А всё равно не видят наших пушек.

И люди все в землянках. Только наблюдатели вокруг посматривают.

Роят снаряды по полю воронки. Неубранную картошку перепахивают.

Порвали телефонную связь. Совсем дело дрянь... Что вокруг? От-

куда противника ждать? Ничего неизвестно.

К полудню стали доноситься автоматные очереди...

— Фашистские танки! — доложил наблюдатель.

— К орудию!

На Ленинград катилась лавина фашистских войск. Горели Гатчина и Красное Село. Пали Петергоф и Стрельна. Чёрный дым окутывал город Пушкин.

По дорогам к Ленинграду неслись фашистские автомашины с пехотой, тарахтели мотоциклы, скрежетали танки. Они спешили. Они уже не видели перед собой ни окопов, ни рвов, ни отступающей пехоты.

И тут на них обрушился шквал.

Запылали танки. Сбились в кучу автомашины. Полетели в канавы мотоциклы и пушки!..

Не видели фашисты сквозь дым и пламя, как стоят у орудий авроровцы.

Не слышали они в грохоте канонады, как кричат они:

— За Родину!

— За Ленинград!

— За «Аврору»!

— За революцию!

Авроровцы стояли насмерть.

На пятом орудии после девяносто шестого выстрела так накалился ствол, что с него полезла краска.

Первое орудие гитлеровцам удалось захватить. Оставшихся в живых израненных моряков они привязали колючей проволокой к стволу пушки, облили бензином и подожгли.

Фашисты стояли рядом с пушкой. Любовались и ждали, когда эти упрямые русские запросят пощады.

И не дождались.

Умирая, авроровцы пели «Интернационал».

А по вражьи колоннам били, били другие орудия. Шестое. Восьмое. Девятое. С бронепоезда «Балтиец» из-под Ораниенбаума било ещё одно — десятое — кормовое орудие краснознамённого крейсера.

«Ни шагу назад!» — грохотали орудия «Авроры».

И ни на шаг вперёд не смогли продвинуться фашисты.

Войска и ополченцы Ленинграда заняли окопы, подтянули к передовой свои орудия. Застрочили наши пулемёты. Засвистели мины. Заухали разрывы гранат.

А надо всем этим грохотали пушки «Авроры».

Пушки, которые вышибли из Петрограда капиталистов и помещиков, белых генералов и царских жандармов. Пушки, которые не пустили фашистов в Ленинград.

Драгоценные зёрна

Народу в нашем доме осталось мало. А мужчин и совсем раздв — и обчёлся. Дядя Никифор, дворник, остался. И ещё какой-то учёный с четвёртой лестницы. Мы его совсем мало знали. До войны и вовсе не замечали. И дядя Никифор, наверное, не замечал. А тут, раз их всего двое мужчин осталось, они, конечно, подружись.

Идёт учёный с работы — дядя Никифор его уже у ворот поджидает.

— Добрый вечер! — говорит. — Что сегодня курим?

Учёный грустно улыбается и вздыхает:

— Берклен.

— А у меня БТИЦ! — хохочет дядя Никифор и лезет в карман

за кисетом. — Хотите попробовать?

Потом они меняются кисетами, сворачивают «козьи ножки», закуривают и начинают кашлять.

Кашляют они так, что можно подумать: начался обстрел. Или это зенитки грохочут. У обоих уже слёзы из глаз текут, а они всё курят и кашляют, курят и кашляют... Такой у них, значит, табачок хороший, забористый.

Дело в том, что папирос по карточкам не давали. Табак в городе кончился. А курильщикам курить всё равно хочется. Вот они ходят и изобретают, чего бы в свои «козьи ножки» напихать. И выдумывают разные табаки. «Берклен» — это значит «берёзово-кленовый». Из листьев этих деревьев. «БТЩ» — это «брёвна-тряпки-щепки». Были ещё «Вырви глаз», «Матрац моей бабушки» и всякие другие.

Накашляются дядя Никифор с учёным вдоволь и начинают обсуждать положение на фронте. Потом дядя Никифор спрашивает, как у учёного на работе дела.

— Ничего. Всё хорошо, — говорит учёный. — Только вот, знаете, очень холодно в институте. Боюсь, как бы это не повлияло на собранный материал. Температурный режим, это, знаете, очень важно...

И начинает рассказывать про разные удивительные растения из жарких стран, про экспедиции в Южную Америку и Австралию. Потом про зёрна, которые нашли во время раскопок у горы Арарат и которым уже чуть ли не пять тысяч лет. Или про пшеницу, которая не боится никаких морозов. Или про другую пшеницу, которая может выдержать любую засуху.

— Вот только холодно у нас, — опять вспоминает он.

Дядя Никифор поддакивает и заверяет, что уж для института должны непременно выделить машину дров, что есть решение горсовета разобрать пять тысяч

деревянных домов и на Охте уже разбирают. Так что дрова непременно будут.

Учёный говорит: «Возможно, возможно...» — и идёт в свою холодную квартиру, для которой дров ни с какой Охты не привезут.

Скоро совсем уже пришла зима, и учёный с дядей Никифором перестали курить у ворот. Иногда по утрам мы видели, как учёный шаггал через Неву куда-то на ту сторону, в свой институт. А иногда он и вовсе не приходил ночевать. Дядя Никифор тогда волновался и спрашивал нас, не видали ли. И даже в булочную ходил узнавать: выкупал он по карточкам хлеб или не выкупал?

Из-за этого и мы, и ещё другие люди узнали, что он не просто учёный, а настоящий герой. И все в их институте герои. Потому что можно ходить в атаки, можно молчать под пытками, можно даже обвязать себя гранатами и броситься под фашистский танк, но не тронуть ни крошки хлеба, когда ты еле ползаешь от голода и у тебя в руках целая буханка — это да!..

— У него же всё есть! — рассказывал дядя Никифор. — И пшеница есть, и рожь. Овёс, говорил, есть. У них там в институте коллекции зёрен со всего мира собраны. Из семидесяти разных стран. И бобы есть, и соя. А они голодают! Есть-то есть, да нельзя есть! Потому что для науки сберечь надо. Вчера вон пошёл — еле ноги тащит. Говорит, надо коробки переставлять. Вот человек!

Ночью мне даже приснились эти коробки. Много-много коробок. В одной хлеб лежит, а в другой — булки, в третьей — печенье. «Давай съедим», — говорит Вовка. «Что вы! Что вы! — машет на нас руками учёный. — Это же такая ценность!» А Вовка снова говорит: «Человек для нас ценнее всего! После войны можно поехать и снова набрать таких зёрен».

«Нет, — говорит учёный. — Таких уже не набрать. Их нужно

непременно сохранить», — и то-ропливо закрывает все ящики.

Утром я Вовке про сон рассказывал. Вовка обиделся:

— Дурацкие тебе сны снятся, — говорит. — Мне вот приснилось, как я фашистский бомбардировщик сшиб. Догнал его — и из пулемёта! Бомбардировщик носом вниз, и я в пике. Лечу, лечу, лечу — и проснулся.

Учёного мы не видели недели три. Потом он вдруг пришёл, и прямо к дяде Никифору.

— Извините, — говорит. — Нет ли у вас мышеловки?

Дядя Никифор удивился, конечно. А учёный объясняет:

— Понимаете, какая неприятность... Крысы. Вчера снова растащили зерно.

— Как же так?! — ахнул дядя Никифор. — Оно же у вас в желез-

ных коробках? Им же не прогрызть?

— Разумеется, — говорит учёный. — И в коробках, и на полках. Так ведь эти проклятые что придумали!.. Забираются на полки и каким-то образом сталкивают. Коробки падают, раскрываются — и пир горой! Мы вчера связывали связывали коробки... Пока ничего. А вдруг крысы додумаются перегрызть верёвки?..

Мышеловок мы насобирали штук двадцать. А дядя Никифор ещё всю неделю сокрушался:

— Подумать только! Крысы! Все на Ленинград! И фашисты, и голод, и холодина, а тут ещё и крысы!

Теперь Вовке дурацкий сон приснился: про крыс. Он их пулемётом расстреливал с истребителя.

А однажды учёный пришёл домой и к дяде Никифору даже не заглянул. Дядя Никифор сам к нему поднялся. Дверцу от тумбочки принёс для печки.

— Что с вами? — спрашивает.

— Со мной? — переспросил учёный. — Со мной ничего. Хожу вот. Стережу от крыс зерно. — Он помолчал. А потом подошёл к столу и как стукнет по нему кулаком. Стукнул и тихо-тихо сел в кресло. — Товарищ у нас погиб.

— Снарядом? — спросил дядя Никифор.

— От голода. Прямо в институте. Сегодня принимал его лабораторию: пуды отборнейшего зерна! Что я жене его напишу?..

Что писать, дядя Никифор не знал. Вовка сказал, что надо бы написать «пал смертью храбрых», как обо всех солдатах пишут. Но дядя Никифор обратно к учёному не пошёл.

А утром мы снова увидели, как побрёл учёный через Неву.

До института ему идти два часа двадцать минут. Это он сам подсчитал. Раньше за полчаса доходил, а теперь вот за два двадцать. Ослаб.

Экспедиция

за линию фронта

Всю войну над Ленинградом висели «колбасы».

По-настоящему их называли аэростатами воздушного заграждения, но все ленинградцы их звали просто «колбасами». Очень уж они были похожи на колбасы. Или на селёдки. А ещё больше на дирижабли. Такие огромные, вытянутые в длину воздушные шары.

Их поднимали над городом на крепких стальных тросах. Целыми днями висели «колбасы» над домами, защищая их от вражеских самолетов. Аэростаты мешали самолётам опускаться низко и кидать бомбы точно в цель. Потому что если летать низко, можно крылом за трос так чикнуть, что и сам кубарем!

Но фашистские самолёты всё-таки летали. Высоко. Выше аэростатов. И сыпали бомбы куда попало: на больницы, школы, жилые дома, театры.

Как только они подлетали к городу, по радио объявлялась воздушная тревога и начинали стрелять зенитки. Бах! Бах! Тра-та-та-та! — сыплются осколки на крышу.

Были среди «колбас» ещё и немножечко другие: аэростаты воздушного наблюдения. По виду точно такие же, только с корзинками.

В корзинке поднимался наблюдатель и следил: где в городе вспыхнул пожар? Откуда стреляют фашистские дальнобойные батареи? А потом сообщал по телефону вниз. К месту пожаров спешили пожарные. А наши артиллеристы наводили свои орудия точно по цели и громили фашистские пушки.

Сидел в одной такой корзинке наш наблюдатель. Человек не старый, весёлый и очень разговорчивый. Ему даже частенько попада-

ло за то, что сообщал он вниз по телефону совсем не военные сведения.

— Клавочка! — кричит в трубку. — Над Кронштадтом гуси летят. Честное слово! А у Колпина где-то гроза собирается.

А Клавочку-то в это время командир роты вызвал. У телефона сидел старшина.

— Разговорчики! — слышит в трубку наблюдатель. — Я вот тебе устрою грозу! Два наряда не в очередь!

Вдохнул наблюдатель в корзинке: и поболтать нельзя... Стал с той поры сам с собой разговаривать. Один раз так расшумелся, что его даже Клавочка в телефон услышала.

— Ты с кем это там беседуешь? — спрашивает.

— А сам с собой.

— Как это так?

— Очень просто. С хорошим человеком и поговорить приятно.

Но вообще-то службу он нёс исправно. Всё замечал и обо всём своевременно докладывал по телефону.

Вот однажды слышит он — внизу сирены завывли. Воздушная тревога!

Вражеские бомбардировщики летят.

Бах! Бах! — вокруг белые букеты от разрывов зенитных снарядов.

И вдруг — дзынь! — какой-то осколок прямо по тросу.

И перерубил.

— Никак я лечу? — удивился вслух наблюдатель. — Ага. Лечу.

Под корзинкой крыши домов поплыли, улицы, мосты...

— А куда же это я? — забеспокоился. — Похоже, что к Гитлеру в гости. Ветер в их сторону.

Смотрит вниз: плывёт город. Назад, назад куда-то... Уже и разрывы зениток где-то за спиной остались, окопы передовой всё ближе, ближе...

Вот это да!

В такой плохой ветер попал. В фашистский какой-то ветер.

— Пистолет-то почищен? — сам себя спрашивает. — Почищен. Только патронов маловато: всего одна обойма.

Снизу тоже аэростат заметили. Наши бойцы смотрят, вздыхают, — а чем поможешь?

Фашисты тоже смотрят. Не стреляют. Всё равно ведь к ним летит. Опустится наблюдатель в плен!

А наблюдатель по-своему прикидывает.

— К партизанам полечу! — говорит. — Или прямо в Англию, к союзникам. — Улыбнулся и тут же старшину вспомнил. Ох и попадёт же от него за самовольную отлучку! — Разговорчики! — сам себе кричит. — Доставай-ка лучше планшетку да зарисовывай расположение позиций противника!..

Медленно плывёт по воздуху «колбаса». Рисовать удобно. Пальцы немного мёрзнут, ну да это не беда. Уже все фашистские окопы зарисованы, хода сообщений, артиллерийские батареи... Стоянку танков засек.

Жалко телефона нет: шнур оборвался. А то сразу бы и передал.

Фашисты ждут не дождутся, когда же эта «колбаса» наконец сядет!..

А она и не думает садиться.

Летит себе и летит. Покачивается слегка. С чего-то вдруг даже немножко вверх подпрыгнула...

И попала в другой поток воздуха. В другой ветер. В наш. Утащил он «колбасу» у фашистского ветра!

— Ага! — обрадовался наблюдатель. — Назад летим!

Во все глаза вниз смотрит. Точно! Назад! Вон уже зарисованные фашистские окопы снова внизу поплыли.

— Порядочек! — говорит наблюдатель. — Скоро домой прилетим! Кипяточку попьём, согреемся...

— А как спустимся? — спрашивает себя вдруг. — Парашюта нет... От трюса один хвостик болтается...

— Ничего! — отвечает. — За Исаакий зацепимся. А то — на Урал полетим. Там горы высокие. Сядем на вершину, отцепим корзину — и вниз.

Домой оно, конечно, веселее лететь.

Только в это время — тью! тью! тью! — пули засвистели. Поняли фашисты, что уходит от них «колбаса». Рассердились. Как же это так: в гости прилетал — «здратье» не сказал!.. Назад летит — «прощай» не говорит!

Такую пальбу открыли! Из винтовок, из автоматов!..

Корзинку в двух местах прострелили.

А потом — пшш! — угадали всё-таки. Оболочку аэростата пуля пробил.

Газ выходить начал. Даже простым глазом видно, как он идёт: тоненькой такой белой струйкой.

— Н-да... — вздохнул наблюдатель. — Пальцем не заткнёшь. Опускаемся. Вот беда!.. И до наших осталось рукой подать... Какие бы сведения доставил!..

И тут, то ли случайно, то ли специально, наши артиллеристы

открыли огонь из тяжёлых орудий.

Ух! Ух! — рвутся снаряды. И всё позади аэростата. Взрывные волны вверх летят. Раз! Два! Три! — подталкивают «колбасу». Вперёд! Вперёд!

Корзина из стороны в сторону болтается. Наблюдатель катается по дну от стенки к стенке.

Наконец на ноги встал. Взглянул через борт корзины:

— Ура! Садимся!

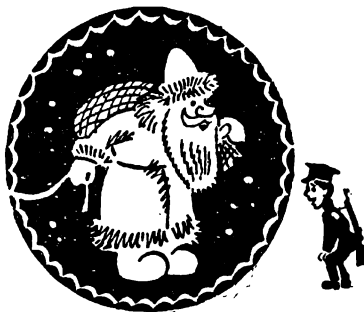
И, верно — сел.

На Охте.

На крышу одного из домов.

У Г А Д А Й - К А !

Что подарил Дед-Мороз пограничнику?

Попал заяц в лихую беду: настигла его посреди снежного поля большая стая злых голодных ворон. По самые уши проваливается то вправо, то влево. Всюду настигают его крепкие вороньи клювы. Шерсть клочьями летит.

Ох, глупый, глупый зайчишка! Неужели не видит он своими косыми глазами, где его спасение? Вон там, справа, молодые ёлочки стоят — спрятался бы под них. Увидел заяц ёлочки, подкатился к самой густой, нырнул под неё и затаился.

«Молодец заяц, вот и спасение!» — радуюсь я.

«Кар-р-раул! — подняли страшный переполох вороны. — Укр-р-рылся!»

Нет, не укрылся заяц. Нашлась в стае одна самая что ни на есть дошная ворона, залезла бочком под ёлочку и, видать, крепко долбанула там зайца. Свечкой выскочил бедняга из-под ёлки, и опять закрутилась над полем серая галдящая воронья свора: «Вр-р-решь — не уйдёшь!»

Валом валят злые вороны. Прямо смерть приходит зайцу. Опрокинулся он на спину, из снега одни только лапы торчат.

«Ок-ка-чурился!» — торжествующе заорали вороны и всем скопом кинулись на зайца. Ан не тут-то было. Быстро замелькали в

воздухе сильные задние ноги зайца. И вот одна, две, три вороны грязными серыми тряпками далеко отскочили от зайца — видать, крепко попало. Только очень уж много ворон. Как ни бьёт заяц ногами — одолевают его вороны. Вскочил бедняга и опять кинулся со всех ног куда глаза глядят.

И куда только глядят косые зайчиьи глаза? На дорогу надо, на дорогу! А там до леса ногой подать!

Ну и глупый! Неужели не догадывается, где его спасение? А заяц, видать, догадался: всё ближе и ближе к дороге катится воронья свора.

Но куда же покати́л заяц с косых глаз своих? Не от леса, а к лесу бежать-то надо. Ведь тут на дороге стою я. Ведь у меня ружьё висит за плечами, ведь я охотник!

Но, видать, заяц лучше меня рассудил, где его спасение. Пулей подлетел ко мне, в ноги ткнулся да и замер. Взял я его на руки. Дрожит косо́й мелкой дрожью. Один глаз подбит, а другой прямо на меня смотрит. Умно, доверчиво так смотрит.

Кинулись было на меня вороны:

«Вор-р! Вор-р! Вор-р!»

Но со мной шутки плохи. Только дотронулся я рукой до ружья, сразу «караул» закричали.

Только мы с зайцем их и видели.

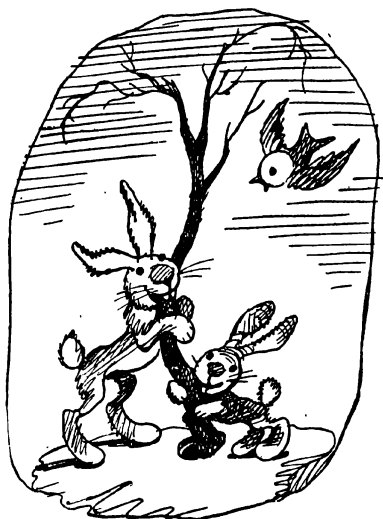

Иван АНТОНОВ

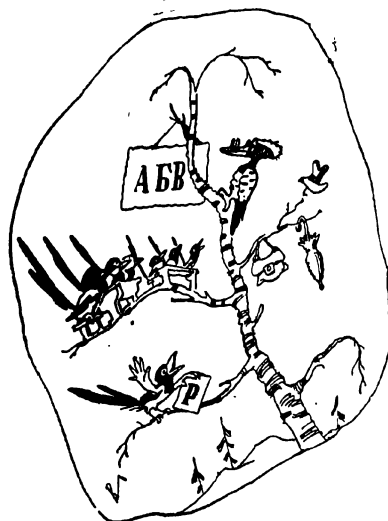
Цок, цок, цок, цок!
 Покает бельчонок.
 Вынес шишку
 из дупла
 на сучок
 кручёный.
 Дальше незачем
 тащить,
 можно здесь её
 лущить.

В ЗИМНЕМ

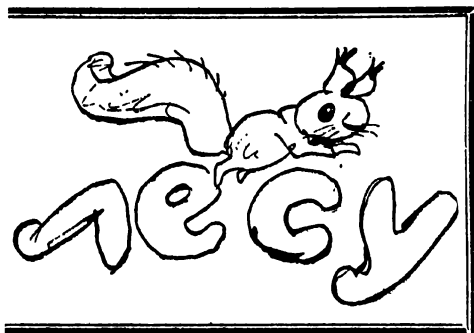

На берёзе семь сорок.
 У сорок идёт урок.
 На уроке дятел строг,
 учит грамоте сорок:
 вслух читать,
 вслух считать.
 И зазря не
 стрекотать.

На осине
 в роще синей
 зазвенел на ветках
 иней.
 Под осиной — пир
 горой!
 Зайцы утренней порой
 угощаются корой.

С ветки в снег
 Снегирь упал.
 Маша ахнула:
 «Пропал!
 Бьётся,
 крылышками машет,
 странно
 кувыркается...»
 Не тужи напрасно,
 Маша,
 Это он..., купается.

Приходите утром
 ранним
 посмотреть на чудеса:
 на снегу
 чистописаньем
 занимается лиса.

Кто тут шёл?
 Снег копал.
 У пенёка след
 пропал —
 словно бы растаял.
 Заглянули под пенёк,
 Отыскали теремок —
 норку горностая.

Рисунки В. Гальба

Радиус земного шара

МАРИЯ Ивановна вынула отпечатанный лист из пишущей машинки и, положив его на низенький столик, поправила волосы...

Она была старшей машинисткой в машинописном бюро большой газеты: старшей и по возрасту и по опыту. Все остальные машинистки — куда моложе её, самой младшей — Ниночке — всего восемнадцать лет.

А Марии Ивановне — шестьдесят пять.

Маленькая, худощавая старушка, в чёрном шерстяном платье, совсем седая...

Мария Ивановна опустила руки и, глядя на последнюю страницу, вздохнула:

— Вот теперь — всё...

Она медленно встала и короткими шагами подошла к работавшей рядом пожилой машинистке:

— Лидия Петровна, я кончила работать...

Лидия Петровна недоуменно посмотрела на старушку: мол, рабочий день ещё не кончился, и работы — по горло... Но вежливо улыбнулась:

— Как, совсем?

— Да... — Мария Ивановна печально улыбнулась, немного наклонив голову набок.

— Вы плохо себя чувствуете? — забеспокоилась Лидия Петровна, неслышно барабана пальцами по своей утихшей машинке. — Или вам куда-нибудь надо?..

— Нет. Просто я кончила работать. Совсем, — кивнула Мария Ивановна.

И Лидия Петровна, пожилая чуткая женщина, уже несколько лет работавшая тут, поняла: старушка решила уйти на пенсию... Почему именно сейчас?

Ещё десять лет назад ей предлагали это, но тогда Мария Ивановна отказалась. А сегодня... Почему именно на половине рабочего дня она решила прервать свою сорокалетнюю работу?..

Мария Ивановна отошла к своей машинке. Грустно посмотрела на неё, обтерла чистым белым носовым платком и осторожно накрыла клеёнчатой накидкой...

В этот момент все машинки разом умолкли, в помещении стало тихо-тихо... Все машинистки внимательно поглядели на Марию Ивановну.

Лидия Петровна вышла на середину просторной комнаты и обратилась ко всем шестерым машинисткам, сидевшим за небольшими столиками у стен:

— Мария Ивановна сегодня уходит на пенсию!

И, улыбнувшись, слегка поклонилась в сторону старушки.

Все оживились, заговорили... А Ниночка, которую Мария Ивановна научила, как и всех, печатать десятью пальцами, подошла к старушке, обняла её и крепко расцеловала...

Растроганная Мария Ивановна пошла к редактору.

После её ухода машинистки переглянулись, а Лидия Петровна озадаченно сказала:

— Не похоже на неё: уходить, не доработав до конца... Даже сегодняшнюю норму не выполнила...

Ревекка Марковна, самая наблюдательная из всех шестерых, напомнила подругам, что Мария Ивановна хотела было уходить ещё два месяца назад, но потом, прочитав статью в журнале «Огонёк», передумала и осталась.

— Какую статью? — заинтересовалась Ниночка, её светлые локоны никак не удерживались на подвижной красивой головке, хотя со всех сторон были закреплены заколками.

— «Покоритель гор»... Это о первом восхождении на гору Эверест. — Ревекка Марковна поколебалась, как человек, неуверенный, поверят ли ей, и добавила: — А вчера она долго сидела молча после работы... И, не мигая, смотрела на машинку... А потом встала и сказала вслух: «Ничего, завтра напечатаю ещё одну страницу...»

Подруги пожали плечами: загадка запутывалась — ведь сегодня Мария Ивановна напечатала только одну страницу — тридцать строк... Как будто только ради этого пришла на работу. Странно, очень странно. А спросить Марию Ивановну им казалось неудобным...

РЕДАКТОР должен был освободиться через несколько минут, и Мария Ивановна присела на диване в приёмной.

Сорок лет назад, когда она пришла сюда устраиваться на работу, в приёмной стояли только один простой стол и три стула...

А сейчас — диваны, кресла. И секретарша — молодая, симпатичная женщина — сидит за огромным письменным столом с несколькими телефонами...

Из окна видна крыша соседнего дома. Во время блокады на ней разорвался снаряд, осколки влетели в окошко и... один из них — самый маленький — попал в висок Симе... Это была давнишняя подруга Марии Ивановны. Другая её подруга — Ира — тоже сидела недалеко от

Симы за своей пишущей машинкой... Ей в голову тоже попал осколок, только она умерла не сразу, а через два дня.

Старушка опустила голову, закрыла глаза и вспомнила больничную койку в военном госпитале, и на белых простынях бледную умиравшую подругу... И её последние слова: «Прощай, Маша... Дотяни нашу строчку...»

Задумавшись о своём, Мария Ивановна не сразу услышала голос секретарши:

— Мария Ивановна! Редактор просит вас!

Старушка встала и медленно прошла в раскрытые двери. Главный редактор большой газеты — пожилой, энергичный, с сединой на висках — приветливо встал из-за стола.

А Мария Ивановна почему-то вспомнила, как в конце блокадной зимы увидела его в первый раз. Его тогда назначили в редакцию... Старушка хорошо помнила этот день, потому что тогда по улицам Ленинграда прошёл первый трамвай, а вечером того же дня умерла третья подруга Марии Ивановны — машинистка Оля... От туберкулёза...

— Сегодня же после работы, — сказал редактор, — вся редакция торжественно проводит вас на заслуженный отдых... Кстати, вы ведь десять лет назад могли уйти на пенсию, — вспомнил редактор. — Почему вы тогда остались?..

— Это моя маленькая тайна, — тихо, но твёрдо ответила старая машинистка.

— И её нельзя раскрыть? — Пожилой, чуткий и отзывчивый редактор дружески улыбнулся...

— Нет, к сожалению... Я дала слово — никогда никому не говорить об этом...

ДО конца рабочего дня Мария Ивановна сидела в библиотеке и читала журналы.

В этой комнате тридцать восемь лет назад находилось машинописное бюро, когда шесть подруг — Мария Ивановна и пять... уже умерших машинисток — по-своему решили участвовать в великом деле великого народа...

— Чтобы получилось шесть тысяч километров, — воскликнула тогда темпераментная брюнетка Ира, — надо сто двадцать лет печатать, не переставая!

— Но нас-то ведь шестеро! — возразила спокойная, полная, скромная Оля. — По двадцать лет на каждую!

Собравшись за одним столом во время обеденного перерыва и съев весь свой обед, состоявший из осмьюшки хлеба и стакана кипятку, они подсчитали количество строчек на одной машинописной странице и длину каждой строчки...

И тогда решили, что за двадцать лет достигнут своей цели...

...Мария Ивановна закрыла журнал «Огонёк» со статьёй «Покоритель гор»... Посмотрела на стенные часы, а потом — на библиотекаршу...

Стрелки показывали пять часов, а библиотекарша — молодая женщина, заложив ногу на ногу и изредка позёвывая, равнодушно перелистывала журнал мод...

Мария Ивановна достала из своей сумочки блокнот и карандашик и ещё раз проверила — всё ли верно...

На одной машинописной странице — тридцать строк, длина одной строки — двадцать сантиметров. В день она печатала около тридцати страниц: иногда больше, иногда чуть меньше, значит — сто восемьдесят метров в день. В месяц — около четырёх с половиной километров, а в год — пятьдесят два километра...

Радиус земного шара равняется шести тысячам километров... Жаль

только, что давние подруги оставили Марию Ивановну одну, когда машинописная строчка, начавшаяся от центра земного шара, была ещё так далеко от поверхности Земли...

Мария Ивановна одна «дотягивала» эту заветную строчку. Ей очень было нужно, чтобы эта самая строчка стала длинной, как экваториальный радиус земного шара...

Поэтому старушка и не ушла на пенсию десять лет назад: надо было выполнить обещание, данное умершим подругам...

Два месяца назад заветная строчка «вышла на поверхность Земли», и Мария Ивановна хотела уходить с работы, но, случайно прочитав статью «Покоритель гор» в журнале, решила: пусть эта строчка не только «выйдет на поверхность», но и превысит самую высочайшую вершину земного шара... И пусть это будет не только осуществлённая цель скромных машинисток, но и небывалый памятник тем пяти незаметным труженицам, которые не дожили, но были уверены, что каждая из оставшихся в живых продолжит «строчку».

Сделать из этого «их маленькую тайну» предложила ещё тогда — тридцать восемь лет назад — скромная Оля...

БИБЛИОТЕКАРША куда-то вышла.

Мария Ивановна осталась одна. Все эти годы она аккуратно подсчитывала все напечатанные строчки, и ошибки в подсчёте не могло быть...

Длина «строчки» была равна радиусу Земли. И сверх того — за последние два месяца — Мария Ивановна напечатала ровно 8882 метра...

Это высота горы Эверест...

А вчера перед уходом с работы Мария Ивановна, уставшая за день, немного пожалела, что на вершине Эвереста нет нашего флага.

И поэтому сегодня она напечатала ещё одну страницу, общая длина строк на которой — ровно шесть метров: как раз длина древка большого советского знамени...

ДОМОЙ Марию Ивановну привезли на машине редактора вместе с подарками от всех сотрудников.

Увидев столько кульков, коробок и свёртков — так много за один раз — внуки и внучки Марии Ивановны запрыгали от радости...

И в ту же ночь ей приснился странный сон: как будто она — молодая и сильная — вместе со своими шестью бывшими подругами поднималась по крутым склонам Гималайских гор к высочайшей вершине земного шара...

Они шли по острому гребню горы; справа обрывался на три тысячи метров отвесный провал, а слева — тоже крутой спуск, но немного покороче...

И как будто они, шестеро простых машинисток, одетые в костюмы альпинистов, установили на высотном полюсе Земли красный советский флаг...

...А космонавту?

НИКОГДА толком не знает, с чего начинается пожар. Особенно в тундре, где и людей-то не видно. А этим парням, которые тащили свою резиновую лодку вверх по течению обмелевшей речки, и вовсе было не до пожаров. Изо дня в день они барахтались в воде, преодолевали пороги и перекаты. Разгружали лодку, чтобы перетащить её на руках через валуны, загромождавшие русло, потом снова грузились, шли, где можно, на вёслах, а больше — волоком.

Случалось, лодка вдруг начинала шипеть, а не то и пищать. Этого звука, тонкого, словно комариный писк, парни боялись больше всего. Они быстро причаливали и выносили на берег своё добро. В первую очередь — ящики с образцами. Можно утопить спальные мешки, запас консервов, походную аптечку, которой ещё ни разу не пользовались. Только не образцы!

Ну, а поставить заплату — не гвоздь забить. Ремонтом обычно занимался Пётр. У него и терпения и сил побольше.

А щуплый Игорь ложился на землю и закрывал глаза.

— Помочь? — спрашивал он, отдышавшись.

— Ладно уж, — отвечал Пётр, орудуя рашпилем и сдувая резиновые опилки.

Наконец мучения кончились. Они добрались до озера. Время перевалило за полночь. Солнце стояло немного над самым горизонтом и снова начало взбираться вверх. Красноватый диск светил сквозь мглу так неярко, что на него можно было смотреть, не опасаясь за глаза.

На сизой ряби озера лежала багровая дорожка. Надувная лодка медленно скользила по мелким волнам, держа прямо на неё.

Плечистый Пётр устроился на корме и работал самодельным веслом. Он и управлял лодкой и одновременно подгрёбал то слева, то справа.

С. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Полезный камень

Рис. П. Вискова

Игорь, стиснутый тюками и ящиками, грёб устало и неровно, не поднимая головы.

Лодка всё надвигалась и надвигалась на солнечную дорожку, и Петру казалось, что тупой резиновый нос вот-вот коснётся густо-красных бликов и сам окрасится в багрянец. Но блики всё отступали.

— Не видно? — спросил Игорь.

— Пока не видно.

В северо-западный угол озера вдавался небольшой мыс. Если верить карте, на мысу стояла изба. Маленький чёрный прямоугольник у самой воды. Что это за изба? Кому она принадлежит? И кто живёт в одинокой избушке, от которой до ближайшего поселения больше сотни километров?

— Может, её и нет вовсе? — спустя минуту снова проговорил Игорь.

— Карта пока не подводила, — возразил Пётр. — Написано изба, значит, изба. А в ней и люди.

Мглистая дымка медленно растаяла. Посветлело. Вёсла устало поднимались над низкими бортами, роняя капли, и снова падали в воду. А грузная лодка, казалось, стоит на месте.

— Вижу! — ворохнулся на корме Пётр.

Игорь бросил вёсла, оглянулся. На фоне красновато-бурого берега отчётливо рисовалась высокая и светлая изба.

Вёсла теперь замелькали чаще, лодка пошла рывками. Вместе с берегом навстречу ей поплыла изба.

Оставался какой-нибудь километр, не больше. И тут усталые гребцы услышали предательское шипение.

Пётр чертыхнулся, заложил своё весло слева от кормы и крикнул:

— Наддай, тут глубина не меряна!

Лодка тяжело повернула к берегу. Пухлые её борта начали на глазах «худеть». Счастье, что берег был недалёк.

Уже была поставлена маленькая линиялая палатка и разгорался костерок, когда в прибрежных тальниках послышался треск. Размахивая руками и оживлённо переговариваясь, из кустов выскочили два мальчугана. Оба светловолосые, оба в одинаковых ситцевых рубашках. Они остановились у костра и сдержанно поздоровались. Потом внимательно принялись рассматривать приезжих, ящики и тюки, сморщенную лодку, костерок.

— Это не вы ли тундру подожгли? — спросил наконец тот, что был чуть пониже ростом, но побойчее. Вряд ли ему исполнилось

девять, но он держался с тем особенным достоинством, которое отличает детей, выросших среди просторов тундры или в тайге. — Подождли и убежали?

— Мы не из таковских, — сказал Пётр. — Ничего мы не поджигали.

— А это что? — мальчуган показал на дым.

В той стороне, откуда пришла лодка, из-за волнистых каменных гряд поднимались громадные, словно облака, белые клубы дыма. Где-то снова горели ягельники.

— Не мы, — повторил Пётр. — Мы соблюдаем осторожность. Окурки затапываем, костры заливаем. Видишь, огонёк наш у самой воды?

— Пожаров нынче пропасть. Что будет оленчик кушать, если вся тундра сгорит?

— Вся не сгорит, — заявил Игорь. — Сто пятьдесят тысяч квадратных километров сразу не выгорят...

Мальчуган, что был постарше и пока ещё не произнёс ни слова, покосился на молотки, насаженные на длинные рукоятки, и смущённо спросил:

— Вы что, геологи? Камень полезный ищете?

— Угадал. А вы?

— А мы ничего... Так себе... Ребята.

— Это я вижу. На мысу живёте?

— Ага.

— Значит, соседи. Давайте знакомиться!

— Толя Чупров, — назвал тот, который был чуть постарше.

— Миша Ледков, — сказал меньшой.

— Так, значит, это мы с вашими отцами на Поное встречались? — спросил Пётр. — Они пастухи?

— Пастухи! Со стадом кочуют.

— Где стадо теперь?

— У самого моря. Там комаров меньше.

— Далеко забрались!

— Не очень, — возразил Толя. — Наши отцы уже половину всей земли обошли!

— Так уж и половину! — усомнился Игорь.

— А что? Вы подсчитайте. — И он повёл рассказ о том, как их отцы кочуют с колхозным стадом из конца в конец большого полуострова. Весной олени паслись неподалёку от избы. Целых четыре тысячи! Многие олени подходили к самой избе и брали хлеб прямо из рук. Потом появились комары, и стадо отогнали ближе к Баренцеву морю. Там прохладнее, всегда ветерок, а поэтому и комаров меньше. Осенью оленей погонят на юг, к Белому морю. Зимой в лесах теплее и тише, чем в открытой тундре.

Вода в кастрюле закипела. Пётр бросил в кипяток пару овощных брикетов и стал открывать консервы.

— Русский суп? — поинтересовался Миша.

Суп у геологов всегда варился густой, сытный, но они никогда не называли его русским. Тем не менее Пётр ответил, что, надо полагать, суп не немецкий.

— Мы очень любим русский суп, — сказал Толя. — В школе, в

Ловозере, нас часто кормят таким.

— Зимой школа, ну а здесь что? — спросил Пётр.

— Отдыхаем здесь, — степенно объяснил Толя.

— Балуемся, — уточнил Миша.

— Ещё ловим рыбу, — подумав, сообщил Толя.

— И собираем морошку, — прибавил Миша.

— А родители?

— Вы же знаете, отцы со стадом кочуют. А матери наши в избе хозяйством занимаются.

Когда поспел суп, все устроились на густом ковре воронки. Посуды не хватало, и гости должны были есть из одной миски. Толя получил столовую ложку, а Мише досталась чайная. Хрустя сухарями, ребята быстро опорожнили миску. Им налили вторую. Опорожнили и эту. От третьей отказались. Чисто-начисто вылизали ложки, поблагодарили и ещё раз сказали, что они очень любят русский суп и что им понравились сухари.

— Понравились! — усмехнулся Игорь. — А нам они осточертели. Вот хлеба бы свежего.

— У нас всегда свежий хлеб, — сказал Миша. — Хотите, принесём?

— Не надо, — отказался Игорь. — Вот испечь бы! А то возим, возим муку без толку...

— Можно испечь, — сказал Миша. — Клавдия Ивановна испечёт — пальчики оближете. Пойдёмте с нами!

— Не горит. Сперва отоспимся...

ПЕРЕД самой избой в озеро впадала река. Устье было широким и спокойным, а чуть выше по течению вода билась и шумела среди валунов порога.

С того берега геологов увидели ребятки и бросились к лодке. Маленькая девочка в красном платье прыгнула в лодку первой и завладела кормовым веслом. Миша и Толя взялись за гребные вёсла. Остальные малыши переваляли через борт и устроились на корточках.

Даже издали было видно, как сильно и слаженно работают тяжёлыми вёслами маленькие гребцы и как ловко управляет лодкой кормщица в красном платье.

— Моя сестра, — указал на неё Толя, когда лодка пристала к берегу.

На плоском мысу, где кроме малинового мха и низкой бурой травки ничего не росло, были беспорядочно разбросаны серые и розовые, величиной с палатку, валуны. На одном из дальних валунов сидел большой иссиня-чёрный ворон. Полуостров выглядел бы совсем суровым, если бы не светлая, недавно срубленная изба и если бы не крики детей, игравших на песчаном пляже. В нескольких шагах от избы, под прикрытием валунов, дымил костёр. Одна женщина чистила возле него рыбу, другая сидела на нартах и вязала. Между валунами бродили три овцы и одна кура.

В избе геологов встретила пожилая женщина в бордовом платье.

— Клавдия Ивановна! — обратился к ней Толя. — Эти люди давно без хлеба.

— Камень ищут, — разъяснил Миша. — Надо бы им испечь...

Клавдия Ивановна подошла к двери и что-то крикнула женщинам, сидевшим у костра. Потом быстро и молча начала накрывать на стол.

— Мы только что позавтракали, — смутился Пётр. — Сыты. Но мы третий месяц живём на сухарях и скучаем по хлебу. Не могли бы вы испечь? Мука есть...

— Почему не испечь? Испеку, — без размышлений согласилась Клавдия Ивановна. — Присаживайтесь!

Гости уселись на лавку, огляделись. Пять чисто промытых окон смотрели прямо на озеро, а окно, около которого оказался Пётр, выходило на запад и было приоткрыто. Через него доносился шум воды на перекатах и крики детей.

На широкой лавке большой радиоприёмник. Над ним висел календарь.

— Думаю, вы те самые люди, которые на Поное чуть не утонули, — сказала Клавдия Ивановна. — Мне муж говорил. Бригадир Канев. Встречались с таким?

— Хорошо помним бригадира Канева! И Чупрова! И Ледкова!

Клавдия Ивановна расспрашивала гостей о том, о чём и проворно накрывала на стол. Появилось широкое блюдо с ломтями свежего хлеба и брусок сливочного масла. Потом миска розовой кумжи и ещё миска с сигом, глубокая тарелка с шаньгами, белые сдобные булочки и даже твердокаменные баранки, привезённые сюда из Ловозера.

— Подвигайтесь к столу! — пригласила хозяйка. — Ребята, зовите матерей!

За маленьким столом разместились пятеро взрослых да столько же детей. Остальные малыши уселись на лавке. Клавдия Ивановна дала каждому по шаньге, и они перестали глазеть на приезжих.

Несмотря на то что недавно позавтракали, геологи охотно принялись за хлеб. Жевали и похваливали.

Клавдия Ивановна радушно улыбалась. Здесь она была старшей. Другие женщины приехали

с детьми на лето, вроде как на дачу, и чтобы быть поближе к мужьям. Время от времени приходил то один, то другой пастух, чтобы помыться в бане, повозиться с детьми, послушать радио и запастись свежим хлебом. Избу пастухи называли своей базой.

Когда с костра принесли заочнённый чайник и наполнили сверкающие гранёные стаканы крепким чаем, гости взяли ещё по куску хлеба.

— Понравился? — спросила Клавдия Ивановна.

— Ещё как! — улыбнулся Игорь. — Не хватит вашего чайника. Будем пить, пока есть хлеб на столе.

Но чайника хватило. Хлеба — тоже. Вспотевшие гости поднялись и шумно поблагодарили.

— Навеки у вас в долгу, — поклонился хозяйке Пётр. — Отродясь не едал такого вкусного хлеба.

Вернувшись к своей палатке, геологи принялись разбирать образцы. У Толи и Миши загорелись глаза.

Под каждым образцом лежала этикетка. Толя приподнял один камень и по складам прочитал: «Био-тито-вый гнейс. За-пад-ный берег озера Пор-явр».

— А для чего бумажка? — спросил он.

— Чтобы не перепутать, — объяснил Игорь и осторожно вынул из Толиных рук образец гнейса, положил на этикетку. — Не трогай!

— Пять ящичков камня! — удивился Миша. — И всё это вам надо?

— Всё! Лучше штаны потерять, чем какой-нибудь камешек. Понял? Думаешь, я тебе отдам вот этот блестящий? Шалишь! — с нарочитой строгостью сказал Игорь. — Это, брат, государственное добро.

Пётр тем временем принялся латать лодку, и мальчишки переметнулись к нему.

— Уезжать собираетесь? — поинтересовался Толя.

— Собираемся, — кивнул Пётр. — За озером надо побывать. Поработаем там недельку-другую и вернёмся. Так что ждите.

— И камни повезёте?

— Зачем же таскать такую тяжесть? Оставим здесь, а вы будете охранять.

— Конечно! Обязательно!

На другой день геологи тщательно осмотрели лодку и погрузили в неё всё, что требуется человеку в тундре.

— Ну, счастливо оставаться! — оглянулся с кормы Пётр и оттолкнулся веслом от берега.

— Счастливого пути! — с завистью ответил Толя. А Миша крикнул вдогонку:

— Не беспокойтесь там! Камни будут в целости.

— Надеемся, — отозвался Пётр и помахал на прощанье рукой.

Он и в самом деле не беспокоился за свои образцы: Игорь оттащил ящики подальше от берега и надёжно укрыл их в трещине похожего на хлебный каравай торфяного холма. Волна не достанет, а больше чего им сделается? Вот лодка не подвела бы, подумал Пётр. Ну как зашипит на середине озера!

Но лодка не подвела. Латаная

перелатанная, она доставила геологов к месту новой стоянки и целую неделю отдыхала на привязи в безымянной бухточке, покачиваясь на лёгкой озёрной волне. А когда настал срок, приняла на себя не только геологов, но ещё и новый груз образцов. Тяжесть осадил её низко, надувные борта напряглись и даже позванивали от прикосновений.

— Шабаш! — с облегчением заявил Игорь и размахнулся вёслами. — Наигрались камешками в тундре, пора и к дому.

— Пора! — согласился Пётр. — По второй паре сапог донашиваем. А потому, брат, не дремли на вёслах, гребь давай...

Причалили там же, откуда неделю назад снялись. Вытащили лодку, огляделись.

— А где же бугор... с образцами? — заозирался Игорь. — Неужели заблудились? Да нет... Вон головешки от костра, консервные банки. Что за чёрт!

Бугор сгорел. На его месте была теперь просторная, заполненная серой золой яма. Попробуй найди в ней образцы! А если и найдёшь, кому они нужны без этикеток? Разве что в бане могут сгодиться, на каменке, для пару...

Игорь ненавидяще смотрел в яму, в золу, где был погребён лёгкий труд двух геологов. Стоило для этого всё лето мерять шагами тундру, кормить комаров, тащить по речным перекатам грузную лодку. А с чем возвращаться в Ленинград? С пустыми руками? «Извините, у нас образцы сгорели!» Но ведь посылали их не для извинений. И ещё зарплату выдавали...

Пётр мучительно соображал, как поправить дело. Записные книжки без образцов — ничто... Значит, одно остаётся: повторить хотя бы часть маршрутов.

— Вот тебе и наигрались! — мрачно сказал он. — Подвязывай, брат, сапоги проволокой и в поход.

— Ты соображаешь? Нас же тут снегом накроет...

— Ну, до снега ещё...

Неожиданно зашуршали прибрежные кусты, выглянули неразлучные Толя и Миша:

— Приехали? А мы вас ждали, ждали...

— Не терпелось порадовать? — съязвил Игорь.

— Ага, порадовать! — не смутился Толя. — Это от молнии загорелось...

— А нам один чёрт — от чего. Важно, что образцы сгорели.

— Да не сгорели же! Целы ваши образцы, — возмутился Миша. — Мы их вон куда перетащили, — махнул он рукой. — Чтобы подальше от огня...

Игорь шумно выдохнул, помолчал, потом негромко попросил:

— Пётр, ущипни меня! Похоже, что я сплю и вижу чудный сон.

Образцы оказались в целости. Правда, подмокли от дождя. Но это геологов не смущало.

— Высохнут! — откровенно радовался Пётр. — Главное — целёхоньки. И этикетки на месте. Как же это вы спасли? Неужели вдвоём?

— Ага, вдвоём, — приосанился Миша. — Дымища была — не про-

дохнуть. И жарко, ух! Толя как провалится ногой, а я его за штаны... Верхние-то ящики снять — пустяк, а нижний — глубоко. И горячий, чёрт! Пока вытаскивали — вот! — Миша показал грязные ладони в волдырях.

— Обожглись? Ну и дела! — воскликнул Пётр.

— Я-то маленько, а вон у Толи руки...

Толя мгновенно убрал руки за спину. Геологи успели заметить, что правая забинтована.

— Покажи, покажи, брат, это не шутка! — шагнул к нему Пётр. Толя попятился, замотал головой:

— Чего там... Под волдырями опять выросла кожа. Новенькая, — и, выставив руки, он пошевелил пальцами. — Теперь уж, считай, и не болит.

— Новенькая, говоришь? — засмеялся Пётр. — А старой и не жалко?

— Чего её жалеть...

— А мне, брат, жалко, — признался Пётр. — Ну, да что теперь горевать. Теперь надо подумать, чем мы сможем отплатить вам за такую замечательную услугу. Деньги есть, так они для этого случая не годятся.

— Как это отплатить? — удивился Толя. — Разве мы за плату...

— Резонный вопрос, — подумав, согласился Пётр. — А если не за плату, так за что же? Ну-ка, очень интересно узнать.

Мальчишки нахмурили лбы. Вот и простой вопрос, а не ответишь! Всё же ясно и так...

— Ну, одним словом, это полезный камень... — начал Толя и замаялся.

— Для кого полезный? — помог Игорь.

— Как для кого? Для всех!

Пётр раскинул руки, обхватил сразу обоих мальчуганов:

— Правильно, ребятки! Для всех. Вы, оказывается, мудрецы. Прямо-таки философы.

Тыжкины Крылья

П О В Е С Т Ь

КАК умирают птицы? И куда они деваются после смерти? Я ни разу не видел на острове ни одного дохлого воробья и ни одной дохлой чайки. Может, они куда-то улетают перед смертью?

— Коты их сжирают, вот куда они деваются, — сказал Эдька.

— Такие, как Альфред? — поинтересовался я. — Да?

Большущего рыжего кота Альфреда, который жил в офицерской столовой, Параня Цитрамоновна называла «тигрой».

— Кыш отсе-

да, тигра окаянная! — кричала она, когда жирный Альфред забредал в холостяцкую гостиницу.

Параня Цитрамоновна не терпела ленивых. А ленивее кота Альфреда не было никого на свете.

Понятно, что такой кот, как Альфред, не поймал за свою жизнь ни одной живой птицы и вряд ли позарился на дохлую. Остальные коты у нас на острове не очень отличались от Альфреда. Мне вообще казалось, что все они или его родственники или даже дети.

— Как же все-таки умирают птицы? — недоумевал я. — Куда

Продолжение. Начало в «Искорке» № 10 за 1967 г.

они деваются? Ведь если мы не достанем птичьего крыла, то о махолёте нам и думать нечего.

— Давайте чайку пристрелим, — предложил Эдька. — Чего нам.

Но рассудительный Кит сказал:

— В чайку нельзя стрелять. В птиц вообще нельзя стрелять. Только совсем худой человек стреляет в птиц.

— Ух, и до чего же ты умный, — перекинулся Эдька. — Тебе самому не противно оттого, что ты такой умный?

Мы сидели около заброшенной бани на окраине Сопушков. Внизу журчала речушка. В бане уже давно никто не мылся, потому что в ней подгнила одна стена и прохудилась крыша. Но в предбаннике крыша была ещё надёжная, и мы частенько собирались под ней для обсуждения всяких вопросов.

— Укокошим одну чаечку, и порядок, — сказал Эдька. — Чего мы его слушать будем? Он нам наговорит тут.

— В чайку нельзя стрелять, — упрямо повторил Кит.

— Чего ты забубнил-то? — взорвался Эдька. — Укокошим, и всё!

— Может, одну и правда ничего, — сказал я. — Мы же не просто так. Одну, наверное, можно.

— Ни одной нельзя, — сказал Кит. — Птиц потому и нет дохлых, что они не умирают.

— Что?! — заорал Эдька. — Хо-хо! Видали такого!

— Не умирают, — повторил

Кит. — Мне бабушка говорила.

Кит по-турецки сидел на траве и легонько тёр ладонями колени, словно катал на них хлебные шарики. Бабушка была для Китки высшим авторитетом. Бабушка и книги. Если он что-нибудь вычитал из книг или узнал от своей прабабушки, спорить с ним было бесполезно.

— Птица солнце на крыльях приносит, — сказал Кит. — Убьёшь птицу — солнце убьёшь. Ночь тогда всё время будет, мороз будет. Никто не может солнце убить, даже последний фашист не может солнце убить.

Он покачивался и катал на коленях шарики.

— Знаешь что?! — закричал Эдька. — Пошёл ты... Чего ты за нами таскаешься? Пережиток несчастный! А если нам птицу нужно?

— Птицу? — спросил Кит.

— Нет, бегемота в купальнике! — завопил Эдька.

— Можно у нас во дворе курицу поймать, — как ни в чём не бывало сказал Кит. — Она тоже птица.

Тут даже я не выдержал.

— Как курица, ты можешь сам летать, — сказал я. — Формалист ты. Заладил своё: нельзя и нельзя. Для науки даже собакой жертвуют. А она — лучший друг человека.

Но и этот довод на Китку не подействовал. Мы отправились на охоту без него. Нам нужна была чайка, чтобы исследовать её крыло и по его

подобию соорудить крылья для себя.

Из маски от старого противогаза мы с Эдькой вырезали по отличной рогатке и пошли на берег реки. Мы стреляли по чайкам влёт и на плаву. Мы прятались в кустах и стреляли шрапнелью. Но белокрылые красавицы словно издевались над нами.

— Оптический бы прицельчик сейчас, — пробормотал Эдька, ловя на мушку очередную птицу.

Он намекал на то, что Руслан Барханов задолжал мне за переписку с Феней уже пятьдесят четыре выстрела. Эдька всё время ехидничал про эти выстрелы. Дескать, не видать мне их, как своих ушей.

— Что, может, не даст? — сказал я. — Ты так думаешь? Руслан не такой человек, чтобы трепаться.

— Хурды-мурды, — сказал Эдька.

— Уж штук-то пять патрончиков он мне без всякого даст.

— Хо-хо, — заметил Эдька.

— И даст! — упёрся я. — Раз мне очень нужно, значит даст.

Руслан мелкокалиберку мне не дал. Он как-то очень ловко вывернулся и повернул всё на шутку. Он быстренько выпытал у Эдьки, что нам нужна птица, и спросил:

— Чучело что ли делать?

— Чучело, — буркнул я, боясь, как бы Эдька не проболтался.

Мне почему-то не хотелось,

чтобы Руслан знал про нашу затею.

Руслан снял со стены винтовку с оптическим прицелом, пошёл с нами за холостяцкую гостиницу и с трёх выстрелов подстрелил ворону с чёрным клювом и большущими крыльями.

Я смотрел на убитую ворону, и мне было не знаю как обидно. Мне прямо до слёз было обидно. Будто это я придумал, что за каждую писульку от Фени — два патрона, а за каждую от Руслана — один. Сам наобещал, а теперь крутит. И ещё мне было обидно, что вместо шикарной белой чайки мы получили какую-то облезлую ворону.

Но в конце концов у вороны тоже были крылья, и не такие, как у Киткиной курицы. В конце концов у неё были настоящие крылья. Мы с Эдькой взяли ворону за крылья — он за одно крыло, я за другое, — унесли её в нашу баню и спрятали под лавку.

После этого мы приступили к сбору материала на постройку махолёта. Здесь загвоздки не предвиделось. В нашем распоряжении было целое самолётное кладбище, которое находилось на мысе Доброй Надежды.

Мысом Доброй Надежды мы прозвали южную оконечность нашего острова. Она походила на нос огромного парохода. Правда, нос был тупым, как у утки. Но если встать на самый его краешек и смотреть в воду, то кажется, что плывёшь вместе с остро-

вом по реке. Широченная водная синева стремительно катилась под ноги, взбивала на песке жёлтую пену и уходила в стороны двумя могучими рукавами. Если ещё дул в лицо ветер, то впечатление, что остров плывёт, было совершенно полным.

Нам нравилось стоять на носу нашего огромного корабля-острова. За нашей спиной садились и взлетали самолёты, готовились к стрельбам учебные торпеды и мины. Мы были вперёдсмотрящими. Мы вели наш корабль с домами и колодцами, с магазинами и детишками опасным фарватером. И никто — ни лётчики и их жёны, ни жители Сопушков и ни кот Альфред — не знал, куда они плывут. Это

знали только мы — я, Эдька и Кит.

Название — мыс Доброй Надежды — Кит позаимствовал у южной оконечности Африки. Кит знал всё. Он рассказал нам, что в пятнадцатом веке этот мыс открыл португалец Диас. В то время у мыса Доброй Надежды останавливались корабли, чтобы пополнить запасы пресной воды. А на берегу под большим камнем моряки оставляли письма. Когда мимо проходили корабли, возвращавшиеся в Европу, они останавливались, брали письма и передавали их адресатам. Кит знал даже, что сейчас этот камень хранится в музее города Кейптауна.

На нашем мысе Доброй Надежды тоже лежал камень — большущий обветренный камень с трещинками и светлыми прожилками. Нам было лишь не к кому класть под него письма.

А за камнем, подальше от берега, громоздилось самолётное кладбище. Сюда свозили

поломанные, отлетавшее своё, самолёты. Когда-то, ещё в войну, на острове стоял истребительный полк, и на самолётном кладбище он был представлен «мигами» и «лагами». Здесь зарастали травой ветранны ИЛ-четвёртые, которые бомбили Берлин, и американские топмачтовики «Бостоны», переоборудованные у нас под торпедоносцев.

В покорёженных фюзеляжах и пустых кабинах с дырками на приборной доске гулко отзывался каждый звук. Самолёты стояли на шасси со снятыми колёсами, и их ноги напоминали культяпки инвалидов. Самолёты торчали хвостами в небо.

Мы нарёзали на свалке столько дюраля и разных труб, что еле дотащили до своей бани. Тщательно исследовав воронье крыло и начертив чертёж, мы приступили к сооружению махолёта.

По Киткиным подсчётам, каждое крыло должно было быть длиной полтора метра и шириной сорок сантиметров. От концов крыльев к ботинкам шла содранная с самолётов перкаль. Из той же перкали мы сшили специальные штаны, похожие на длинную, как у Киткиной прабабушки, юбку.

Мы очень торопились. Мы так спешили, словно в соседней бане мастерили такие же крылья наши конкуренты. Нам не терпелось скорее подняться в воздух. Я почему-то был абсолютно уверен, что поднимусь в воздух. Дядин Жорин

отец не успел подняться, а я поднимусь. Он, наверное, когда умирал, думал о тех, кто взлетит на его крыльях.

Отношение площади крыльев вороны к её весу было точно таким, как отношение наших крыльев к моему весу. Почему же ворона летает, а я не смогу? Конечно, я смогу тоже.

Я подпрыгну, взмахну крыльями и начну подниматься. Я наберу высоту и заложу вираж над офицерской столовой. Я спланирую к санчасти и пройду над ДОСом. Потом на бреющем полёте, словно ласточка перед дождём, я пронесусь по нашей улице и уйду через реку к Калининскому посёлку, к нашей, закрытой на лето, школе.

Мы сделаем точно такие же крылья Эдьке с Киткой и будем летать втроём. Весной перед ледоходом и осенью перед ледоставом мы не станем перебираться на жильё в холодную пустую школу. Зачем? Теперь нам река не помеха. Портфель — к поясу и полетел на уроки. Внизу трещит лёд, лезут друг на дружку льдины, а нам хоть бы что! Машем себе крыльями и посмеиваемся.

Мы дадим своим крыльям имя Горбовского. Пусть все знают Горбовского. И тот, который забрал его чертежи, пусть знает. Он небось хотел сам построить махолёт. Да у него не получилось. На чужой беде никогда ничего не получается. А крылья Горбовского будут жить.

Мы обязательно пошлём чертежи крыльев в Москву, во Всесоюзный комитет машущего полёта. Нас вызовут в столицу, чтобы испытать крылья. Испытывать их будут в Кремле. Мы взлетим над Спасской башней, над Красной площадью, над Университетом, и миллионы москвичей, задрав головы, будут искать нас в небе. И все убедятся, что крылья Горбовского могут парить в воздухе сколько угодно. И каждый москвич захочет иметь такие крылья. В ГУМе выстроится очередь. А мне позвонит по телефону Юрий Гагарин и скажет: «Послушай, Тимофей, мне очень нужно пару крыльев Горбовского, но совершен-

но нету времени стоять в очереди...»

— Послушай, — сказал мне Кит, — зачем ты, так же само, сюда заклёпку колотишь? Сюда совсем не нужно заклёпку. Тут и так крепко.

— А в какой цвет мы их покрасим? — спросил Эдька. Я вдруг ни с того ни с сего разозлился:

— Ни в какой!

— Мы звёзды на них нарисует, — сказал Кит. — На звёзды краски мало нужно. А без звёзд нельзя. Я сам нарисую красные звёзды. Я знаю, как их рисовать.

Наш Кит знал всё. Не знал он только одного: готовясь к полёту, никогда не нужно торопиться.

НАДЕВАЛИСЬ

крылья вместе со штанами-юбкой. Старая перкаль шелушилась кусочками зелёной краски. За плечи нашивались ремни. Кисти рук тоже продевались в ремни.

**ПОМЫЛСЯ,
ЗАКРОЙ
ДУШ**

— Дуй давай, — сказал Эдька.

Они с Киткой отбежали в сторону, чтобы освободить мне место.

— За кусты, так же само, не зацепись смо-

— Дуй давай, — шёпотом проговорил Эдька, когда меня снарядили.

Я посмотрел в синее небо над закопчённой крышей нашей бани и для разминки легонько помахал крыльями. Я, наверное, напоминал петуха, который, перед тем как закукарекать, взбивает крыльями пыль и гордо выпячивает грудь.

три! — крикнул Кит.

Я снова поработал крыльями. Держались они хорошо, и ветер из-под них шёл сильный. Я поработал ещё. Мне было никак не решиться. Всю жизнь ходил пешком, а тут вдруг полечу. У меня противно посасывало в животе, словно я уже висел над пропастью.

— Слушай, ты или дуй давай или раздевайся! — крик-

нул Эдька. — Мы с Китом тоже хотим.

Кит в подтверждение закивал головой. Его, видите ли, «так же само» тянуло в небо.

Я вспомнил, как взлетают воробьи. Я присел, подпрыгнул и побежал. Я работал крыльями, но они только мешали разбегу. И ещё мешала бежать юбка. Я вдруг понял, что стоит мне споткнуться, как из моего носа получится блин, и вообще я стану смахивать на Китку. Мне не на что было опереться при падении. Мои руки находились в плену у крыльев.

— Нет, — сказал я, останавливаясь, — так дело не пойдёт. Во-первых, взлетать нужно против ветра. А во-вторых, не на ровном месте, а с какого-нибудь возвышения.

Эдька послунил палец, повертел им над головой и определил, что ветер дует со стороны Сопушковых.

— Чеши с бани, — предложил он. — Вон в ту сторону.

С бани я чесать не согласился. Она была трухлявая и низкая. Сквозь такую крышу в два счёта можно провалиться. И потом попробуй заберись на баню с крыльями и в юбке.

— С нашего дома тогда, — сказал Эдька.

Я сказал, что ДОС тоже не подойдёт. Больно уж там народу всегда много.

— Во! — закричал Эдька. — С обрыва в Калининском посёлке. Прямо на реку. Лучше не придумаешь.

На это я заметил, что мне

жить ещё не надоело. Крылья надо сначала испытать, а потом уже кидаться на них с обрывов.

— Тогда валяй с ясеня у Гнилого пруда.

— С дерева вообще нельзя, — сказал я. — Ветви будут мешать. Нужно чистую площадку.

— Послушай, — ехидно поинтересовался Эдька, — а отдельное купе в мягком вагоне тебе случайно не нужно?

— У нас, так же само, за огородом ещё можно, — вставил Кит. — Где овраг.

Я знал этот овраг. Высоты над ним не больше метра. С такой высоты не очень-то распрыгаешься.

Освободив руки от ремней, я сидел на траве. Крылья с красными звёздами торчали у меня за спиной, как у гигантской бабочки.

Мы перебрали все высокие места на острове и в конце концов остановились на Доме офицеров. Стартовать там можно было с крыши над запасным входом — и высоко и безлюдно. Этим входом пользовались приезжие артисты. Перед крыльцом запасного входа открывалась довольно большая, окружённая деревьями и кустарником, поляна. Она выходила к стадиону. Взял чуть правее — и полный тебе простор.

На крышу Дома офицеров я забрался по пожарной лестнице. За спиной у меня звонко хлопали крылья. Крыша была покрыта волнистым шифером. По её острому хребту я на чет-

вереньках добрался до торца здания и заглянул вниз. Эдька и Кит наблюдали за мной с открытыми ртами. Я лежал на животе и соображал: полечу я или не полечу? Мне начало казаться, что я больше рождён ползать, чем летать.

— Давай, — сказал снизу Эдька. — Чего ты разлёгся там?

— Сейчас, — проговорил я, боясь разжать руки, которые уцепились за край крыши.

Дюралевые крылья лежали каждое на своём скате: правое — на правом, левое — на левом. Со стадиона дул ветер. Листья на тополе шумели и тянулись ко мне, словно хотели поддержать меня.

— Если ты не уверен, — сказал Кит, — то лучше не лети. Нельзя лететь, если ты не уверен. Это как на охоту нельзя идти, если боишься.

— Кто это боится-то? — спросил я. — Это я, что ли, боюсь?

— Нет, я, — сказал Эдька.

— Тогда, может, и по канату с дебаркадера ты съехал? — спросил я.

— Ты кончай лалакать! — закричал Эдька. — Ты лети давай!

— Может, и зуб выдернул ты? — спросил я, держась за край крыши.

— Во демагог, — вздохнул Эдька. — Разлёгся там, как на перине.

Мне очень захотелось, чтобы на перине разлёгся не я, а Эдька. А я бы посмотрел, ка-

кой он смелый. Что-то он на язык только больно смелый.

По правде говоря, я действительно не очень был уверен, что смогу полететь. Раньше я был уверен, а теперь нет. Теперь я ни капельки не был уверен, что полечу. Я чувствовал, что маршрут моего полёта возможен только в одном направлении — к земле. А лететь к земле с железками за спиной и в юбке значительно опаснее, чем без всех этих приспособлений. Лучше бы я без всего десять раз спрыгнул с Дома офицеров, чем с этими крыльями.

Но отступить я тоже не мог. Я лучше бы свернул себе шею, чем позволил Эдьке посмеиваться надо мной.

— Эй вы, слабаки! — закричал я, поднимаясь на четвереньки. — Внимание! Приготовились! Исторический момент! Наш путь к звёздам!

Я сел на конёк крыши и вдвёл в ремни руки. Потом я поднялся на широко расставленные ноги. Бодрым голосом я выкрикивал лозунги. Наверное, если бы я замолчал, то не смог бы заставить себя расстаться с крышей.

— Нам разум дал стальные руки-крылья! — орал я. — Мы завоюем всё околоземное пространство! Мы построим города на Марсе! Приготовились! Пять, четыре, три..

Я, словно в угаре, досчитал до нуля, крикнул: «Поехали!» — и осторожно подпрыгнул. По бокам у меня сами собой лихорадочно заколоти-

лись крылья. Я почувствовал, что поднимаюсь. Я взлетел! Меня потянуло вверх! Меня потянуло по самому настоящему! Я даже привстал на цыпочки, чтобы продлить миг расставания с крышей.

— Пошёл! — завопили внизу Эдька с Китом.

Но я не пошёл. Меня лишь какую-то долю секунды тянуло вверх, а потом швырнуло вниз. И тут я с ужасом заметил, что пикирую левым крылом точно на спины двум офицерам, которые неожиданно появились из запасного входа.

Кажется, я заорал, чтобы они посторонились. Крыло я отвёл в сторону. Если бы я не отвёл крыло, им бы пришлось худо. Алюминий хоть и мягкий, но всё же металл. Тот, кто шёл на полшага сзади, услышал мой крик и отскочил. Второй отскочить не успел. Я

ударил его грудью в спину, сшиб с ног и, с хрустом смяв левое крыло, растянулся на тёплой траве.

Меня трясло. Трясло где-то внутри, в животе. Я лежал с закрытыми глазами и понимал, что остался жив благодаря чуду. Чудом оказалась чья-то спина.

Вокруг было так тихо, словно ничего особенного не произошло. Чирикали птицы. Шелестел листвою тополь. Сквозь закрытые веки кроваво-красным пожаром горело солнце. И ещё я чувствовал, как медленно и упрямо набухает болью левая рука.

Мне показалось, что я пролежал так целую вечность. Но на самом деле я, наверное, открыл глаза почти сразу. Потому что тот, которого я сшиб, только поднимался. И я мгновенно узнал его. Это был подполковник Серкиз!

Он выпрямился и, медленно похлопывая перчатками по ладони, уставился на меня рачьими глазами. Его синеватые губы дёргались и ползли к правой скуле.

И под этим застывшим

взглядом меня, как всегда, обуял ужас. Упираясь каблуками в землю, я пополз на спине к кустам. Мне хотелось спрятаться от этого человека, провалиться, исчезнуть.

— Раз-гиль-дй, — по словам произнёс подполковник и ударил носком ботинка в звякнувшее правое крыло. — Встать!

Команда прозвучала, как выстрел. Я почувствовал, что сейчас вскочу и вытянусь перед ним в струнку. Это было как гипноз. Это было хуже гипноза.

— Встать! — рявкнул он.

Я разжал потные кулаки, всё ещё не выпускавшие ремни в крыльях. Разжал и вскрикнул. Острая боль из левой руки плеснула в плечо и сдавила сердце.

Ко мне бросился начальник клуба лейтенант Тудвасов. Это он шёл на полшага сзади и успел отскочить.

— Нога? — проговорил Тудвасов, наклоняясь надо мной.

Я не ответил. Я лежал на спине и не мог отвести взгляда от подполковника Серкиза.

— Лоботряс! — отчётливо выговорил подполковник и махнул в воздухе перчатками. — Кто это из вас додумался? Сам?

Он посмотрел на крышу, откуда я только что свалился. Ко мне подбежал Кит, чтобы помочь мне подняться. А Эдьки не было. Эдька куда-то исчез. Кит и лейтенант Тудвасов помогли мне встать на ноги. Ноги у меня тряслись и дико ныло плечо. У лейтенанта Тудвасова было такое лицо, словно он прыгал с крыши вместе со мной. И у Китки тоже было ничего лицо.

Крыло смялось гармошкой. Изломы в нём торчали острыми рваными концами. Китка осторожно отстёгивал за моей спиной ремни.

А к месту происшествия уже сбежались Люба-парикмахерша в белом халате, Юхан Паю в засаленных подтяжках и ещё несколько человек.

— Так кто же это додумался всё-таки? — проговорил подполковник, взглядом измеряя расстояние от конька крыши до земли.

И все вслед за подполковником посмотрели на крышу и на мои ноги. И я тоже посмотрел на крышу и на свои ноги.

— Ну? — рявкнул подпол-

ковник, и Юхан Паю с перепугу сделал несколько шагов назад. — Изобретатели! Вундеркинды! Разве это крыло? Корыто, а не крыло! Махолётчики безголовые! А если бы ты разбился? Кто за тебя, проходимца, отвечать должен? Ну?

Я молча разглядывал зелёные подтяжки Юхана Паю. На круглом животе они заканчивались двумя, похожими на циркуль, ножками. Ножки держали штаны.

— А с отцом твоим что прикажешь делать? — кричал подполковник. — В шею вас прикажешь гнать из гарнизона, да?

Руку у меня от боли выкручивало и дёргало. Но я был даже доволен, что у меня гудит и пухнет рука. Мне было не так страшно с рукой.

Юхан Паю смотрел на меня с состраданием. Его косые глаза сузились в щёлки. Под стёклами очков были лишь две припухлые тёмные полоски. И парикмахерша Люба жалела меня. И Кит. Но подполковник Серкиз был сильнее всех, и никто не смел перечить ему. Ни один человек на острове.

— Молчишь? — крикнул подполковник. — Налетался и теперь хвост поджал, прохиндей!

Относительно хвоста он был неправ. Я медленно поднял на него глаза и, замирая от какого-то незнакомого мне чувства, тихо спросил:

— Кто поджал, я?

— Что? — рывкнули откуда-то издалека.

— Помылся, закрой душ, — сказал я.

Боль из левого плеча сверлом вгрызлась в годову.

— Душ? — недоуменно переспросил подполковник, оглядываясь на Любу-парикмахершу. — Какой душ?

— Обыкновенный, — сказал я. — Мокрый... Чтобы не расплескивался. Привет супруге...

Страх исчез. Мне сделалось легко и весело. Последнее, что я увидел, были глаза Любы-парикмахерши. Глаза у неё были и вправду красивые — продолговатые, с красной капелькой в лунке у переносицы.

Кто-то крикнул врача. Красная капелька растеклась, закружилась разноцветными кругами. Сильные крылья подняли меня, понесли над островом, над рекой, над комбинатом, из труб которого вытекал горячий рыжий дым.

— Ничего страшного, — произнёс голос капитана медицинской службы Суслова. — Небольшой вывих. Вот тут. Это мы... мигом.

Я с маху зацепился левым крылом за трубу, свалился в штопор и, холодея от ужаса, понёсся прямо на подполковника Серкиза.

— Разгильдяй! — кричал подполковник, отмахиваясь от меня перчатками. — Прохиндей! Гнать нужно таких с острова! Гнать! Гнать!

Мыс Доброй Надежды

ВОТКНУВ в небо хвост, «окаянная тигра» кот Альфред потёрся о мою ногу, сел и облизнулся. Он нахально устал и сказал:

— Мя-яу.

Мы никогда не были с Альфредом друзьями. Поэтому я удивился.

— Чего это он? — обернулся я к Эдке.

Мы шли с Эдкой по своим делам в баню и никого не задевали. И рыбой от меня не пахло. Последнее время мы начисто забросили рыбалку. У нас были дела поважнее рыбалки.

Эдка сказал:

— Убей, не знаю.

Я уже поднял ногу, чтобы наступить «окаянной тигре» на хвост, когда Эдка воскликнул:

— Стой! Всё ясно. Он благодарит тебя за Серкиза.

— Ладно, имеешь, — пообещал я Эдке.

Приём был нечестный. Эдка знал это. Но он любил такие приёмчики. С тех пор как я спланировал с Дома офицеров на Серкиза, мне никакого житья не стало. Руслан Барханов, увидев меня, прямо зашёлся от восторга. Он плясал лезгинку, кабардинку и ещё что-то. Плясал и кричал:

— Будешь следующий раз прыгать, так ты откуда-нибудь повыше! И без крыльев.

— Почему без крыльев? — надулся я.

— Ну с крыльями давай! — орал Руслан. — Нам всё равно. Только будь, Тимка, человеком, от всего личного состава полка прошу: сигани ты ему, идолу, как следует.

Меня прямо воротило от их шуточек. И всё об одном. Хотя бы придумали что-нибудь поумнее. И Эдка туда же. Сам перетрусил тогда, а теперь выламывается.

Не знаю, от чего я тогда сознание потерял: от боли или от страха. А руку я просто-напросто вывихнул. Капитан медицинской службы дёрнул её, и она встала туда, где ей положено стоять.

А храбрец Эдка смазал пятки. На словах он самый прыткий, и-подполковник Серкиз для него не больше, чем чайный сервиз. А как до дела, только его и видели. Ему — лишь бы его мамочка ни о чём не узнала. Вообще я раньше был об Эдке лучшего мнения.

Когда я пришёл в сознание, Серкиза уже не было. Люба-парикмахерша проводила ме-

ня до дома. К её белому халату прилипли чёрные волосинки. Я всю дорогу разглядывал эти волосинки и пытался по ним определить, кто с утра побывал у неё в парикмахерской. Люба молча смотрела на меня выписанными, как на полотнах художника Брюллова, глазами. Она смотрела на меня так, словно я должен был вот-вот снова шмякнуться в обморок. Мне стало жаль Любу. Я взял и сказал, что дядя Жора вырезает из липовой чурки её портрет.

— Из чурки? — удивилась Люба. — Врёшь. А чего же он мне ничего не сказал?

Она ухватила меня намятыми пальцами за здоровое плечо. Я стряхнул с плеча её пальцы и ушёл в дом. С чего это, интересно, я стал бы врать? Да ещё в такую минуту.

Люба осталась на улице. Ей очень хотелось зайти к нам. Я видел, что ей прямо страшно хотелось зайти. Она специально для этого и провожать меня пошла. Будто я сам не мог дойти. А что её в парикмахерской люди ждут, так это ей всё равно.

Мама мыла на кухне посуду. Она уже обо всём знала. Я сразу по её лицу догадался, что она всё знает. У нас на острове новости распространяются со скоростью света.

— Как же ты так? — спросила мама.

В ответ я только хмыкнул. Рука у меня ещё болела. И притом — здорово.

В комнате я сел на краешек

дивана. Я сидел очень скромно, втиснув ладоши между коленями. Мама устроилась у стола и, прижав к груди глубокую тарелку, тёрла её кухонным полотенцем. Она тёрла одну и ту же тарелку целый час и смотрела на меня скорбным взглядом.

— Да всё же нормально, — сказал я. — Чего ты? И рука нормально. Во.

Я вытащил ладошку и пошевелил пальцами.

— Совершенно нормально, — вздохнула мама. — Лучше не придумашь. Хотя бы меня немножечко пожалел.

Тарелку она уткнула ребром в живот. Я думал, она её насквозь протрёт, эту несчастную глубокую тарелку с двумя синими полосками — с одной широкой полоской и с одной узкой.

Отец вернулся с полётов раньше обычного. Пока он стаскивал на кухне грязные сапоги, в комнату уже полез керосиновый запах. Я совершенно не переношу керосинового запаха. Мне сразу начинает казаться, что я наглотался этой противной жидкости и запах прёт у меня изнутри. У меня от керосина мгновенно портится настроение. Тут оно у меня испортилось так, что хуже некуда.

Босыми потными ногами отец шлёпал по комнате и обзывал меня обормотом и другими некрасивыми словами.

— Сообразил на кого прыгать, обормот! — кричал он. — Ты бы ещё на командующего флотом прыгнул!

— Так что я нарочно, что ли? — пробубнил я.

— Не нарочно! — загрохотал он. — Ты у меня поговори ещё!

Он бушевал целый вечер. И всё кричал, чтобы я благодарил его за то, что он меня не выпорол. Если бы не моя рука, кричал он, то он бы прописал мне ижицу.

Я ему был очень благодарен, что он не прописал мне ижицу. Он мне даже ни одного подзатыльника не отвесил. Но это не только из-за руки. Меня дядя Жора под защиту взял. Сказал, что виновен во всём только он. Это, дескать, он надоумил меня на эту глупую затею с крыльями.

Глупую! Мог бы вообще-то чего-нибудь и другое придумать. Только уж не глупую. Горбовский знал, над чем работал. И те пятнадцать тысяч человек, что во Всесоюзном комитете машущего полёта, тоже знают.

А на улицу после неудачного приземления мне теперь хоть вообще не появляйся. Каждый встречный считает своим долгом хотя бы заговорщически подмигнуть мне и мило улыбнуться.

Меня разбирает злость. Особенно на таких, как Эдька. Его мамочка, Вера Семёновна, меня, конечно, перехватила и часа два воспитывала. Её очень интересовало, не принимал ли участия в покушении на начальника штаба её Эдик. Я её заверил, что Эдика и рядом не было. А он, ви-

дите ли, набирается теперь наглости ехидничать ещё. Вот и с котом Альфредом тоже. Остряк-самоучка!

— Нет, Тим, правда, — пропел Эдик. — Ты погляди, как он тебе благодарен.

Я не наступил Альфреду на хвост. И Эдьке, который сидел перед котом на корточках, я не поддал. Я обошёл их и спокойно отправился дальше.

Тропинка вела по берегу протоки. Вдоль тропинки стояли кусты. Я шёл и размышлял о том, что, вероятно, придётся увеличить площадь крыльев.

— Кис-кис-кис! — услышал я за спиной и оглянулся.

Троглодит Эдька шёл по тропке боком и манил за собой кота.

Я сделал вид, что кот не имеет ко мне никакого отношения. Я сделал вид, что мне чихать на всех котов земного шара. Больше того, я даже сказал:

— Правильно, Альфредушка, не отставай. Вечером я подброшу тебя к Единой маме. Она прямо обожает котов. Даже больше, чем её сыночек.

Эдька понял намёк и надулся. Он разобиделся, словно я действительно уже проболтался его мамочке. На эту тему, по Эдькиному мнению, ехидничать нельзя. А на которую он — можно. Хотя я его тысячу раз предупреждал, что мне надоело.

До бани мы добрались в полном молчании.

В предбаннике вокруг смя-

того крыла ползал на четвереньках Кит.

— Новое, так же само, придётся не таким делать, — сказал Кит. — Закон Бернули помните?

Не знаю, как Эдька, но я не помнил никакого закона Бернули. На лето я вообще начисто позабывал все законы, которые мы проходили в школе.

Кот Альфред вошёл в предбанник с опаской и стал недоверчиво обнюхивать углы. Дойдя до лавки, он колесом выгнул спину и зашипел. Под лавкой действительно что-то темнело. Что-то большее и вонючее. Шерсть на Альфреде поднялась, как наэлектризованная.

Я глянул под лавку, и мне тоже захотелось выпустить когти и зашипеть. Мне показалось, что под лавкой кто-то ворочается.

— Ой, как медведь всё равно.

— Откуда медведь? — сказал Китка, бесстрашно засовывая под лавку свой плоский нос. — Не водится у нас, однако, на острове медведь.

Из-под лавки он вытащил за крыло дохлую ворону. От неё нехорошо пахло.

— Наша собственная, — сказал Кит. — Протухла она. На неё теперь хорошо, так же само, раков ловить.

Он покачал ворону за крыло.

Шипя и фыркая, Альфред попятился к выходу.

— У, трус проклятый! — воскликнул Эдька, пытаясь задержать кота ногой.

И тут совершенно неожиданно Альфред проявил себя, как «истинная тигра». Он взвился, словно развернувшаяся пружина, и вылетел за дверь.

Эдька вскрикнул и схватился за ногу. В образовавшейся в штанине дыре, на бледной коже медленно набухали кровью две багряные, будто проведённые по линейке, царапины.

— Во гад, — растерянно пробормотал Эдька.

На ране росли вишневые капельки и ручейком скатывались вниз,

— Листьями подорожника, так же само, нужно, — сказал Китка. — Они лучше всего кровь останавливают.

Мы заклеили Эдькину рану листом подорожника, но кровь не остановилась. Тогда мы отправились за медицинской помощью к Киткиной прабабушке. До Киткиного дома было ближе всего. Да и возвращаться Эдьке домой с порванными штанами было никак нельзя.

Жирный кот Альфред нахально поплёлся за нами. Эдька запустил в него камнем.

— Геть, паразит проклятый! — закричал Эдька. — Может у меня теперь через тебя заражение крови будет.

Камень в Альфреда не попал. Но Альфред всё же сел и повертел во все стороны ушами. Уши у него вращались, как радиолокаторы. Изучив обстановку, кот поднялся и нагло пошёл за нами дальше.

Изба, в которой жил Китка со своей прабабушкой, ничем

не отличалась от остальных изб в Сопушках. Высоченное крыльцо, толстенные потемневшие от времени брёвна, малюсенькие оконца. Под одной крышей с домом — двор для скота. А фундамент у избы такой высокий, что окна торчат где-то на уровне нормального второго этажа.

Бабушка сидела за некрашеным столом и через лупу на чёрной ручке разглядывала в «Огоньке» картинки. На ногах у неё болтались меховые лёгкие унты, а во рту над нижней губой торчали два длинных зуба.

Увидев нас, бабушка всполошилась, подпрыгнула и замахала лупой на чёрной ручке.

— Сгинь, сатана, нечистая сила! — закричала бабуш-

ка. — Сгинь!

Мы попятились к двери, а бабушка ловко схватила от печи ухват. Только тут мы догадались, что кричит она не на нас, а на кота Альфреда, который выглядывал из-за наших ног. Кот тоже об этом вовремя догадался и быстро сгинул.

Оказалось, что сегодня Ильин день. А в этот день собак и кошек в избы не пускают.

— Ишь, как тебе ногу-то, — успокоившись, сказала бабушка. — В Ильин день, знамо дело, всякому зверю воля дадена.

— А ещё что в Ильин? — поинтересовался Кит.

— Олень копыто омочил, вода холодна, — сказала бабушка, забинтовывая Эдькину

ногу, — На Илью до обеда лето, после обеда осень. Не туго?

— Нет, спасибо, — сказал Эдька, собираясь подняться с лавки.

— Сиди, сиди, — приказала бабушка и, сжав кулачок, закачала им в такт словам у сморщенного подбородка. — На море на Окияне, на острове на Буяне, — заговорила она нараспев, — лежит бел горяч камень Алатырь. На том камне Алатыре сидит красна девица, швея-мастерица. Держит она иглу булатную, вдевает нитку шёлковую, рудо-жёлтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я Эдю от порезу. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань... Тьфу ты, имечко тебе прилепили, прости осподи, — неожиданно закончила она.

Тёмные бревенчатые стены дышали стариной. Что-то таинственное и сказочное было и в широких лавках вдоль стен, и в добротном некрашеном столе, и в прялке у окна, и в тусклых иконах, на которых уже и не разобрать было, что нарисовано.

— А тебе, парень, летать никак похотелось? — посмотрела на меня бабушка.

Я не ответил. Чего на такой вопрос ответишь? Я разглядывал полки с Киткиными книгами, над которыми был приколот к стене вырезанный из «Огонька» портрет Ленина.

— Похотелось Вольге много мудрости, — снова нарас-

пев заговорила бабушка. — Шукой-рыбой похотелось ему ходить в глубоких морях, птицей-соколом похотелось летать под оболака...

На коричневом ссохшемся лице её двигались глубокие морщины. Когда она что-нибудь рассказывала, мне всегда казалось, что это не по-настоящему, что всё это когда-то уже было.

Она начала рассказ про Вольгу Святославовича и неожиданно замолчала. У неё частенько случалось так: начнёт и бросит на полпути.

— А дальше? — не удержался Эдька.

— А дальше был себе царь Додон, — сказала бабушка, — застроил он костяной дом. Набрали со всего царства костей. Стали мочить — перемочили. Стали сушить — кости пересохли. Опять намочили. А когда намокнут, тогда доскажу. Скидавай штаны, зачиним.

(Продолжение следует)

Китеж-град

Как странники, у озера
Собрались сосны в круг,
Как будто ждут, чтоб ожили
Его глубины вдруг.
Такое здесь затишие,
Что, кажется, со дна
Волшебным градом Китежем
Поднимется волна.
Баяна струны звонкие
Былину мне споют
Про старину глубокою,
Про Родину мою,
Про тех моих прапрадедов,
Чья жизнь была горька,
Но широка и праведна,
Как вешняя река.
Прапрадеды с заплатами
Ходили на миру,
Но светлыми талантами
Построили Москву.

И шли они, влекомые
Движением вперёд,
И это их, исконное,
В душе моей живёт.
И в сердце больше выдержки,
Когда свой путь верша,
Волшебным градом Китежем
Вздывается душа.

Ярослав ПИШУМОВ

Вот в чём соль!..

Дворник дядя Никанор
Поутру обходит двор.
Мы гуськом идём за ним,
Мы во все глаза следим:

...А штукатуру?

Отгадки найдёте на 4-й странице обложки.

Неужели, неужели
Записался в повара?
Посмотрите,
В самом деле,
Взял он соли два ведра!
Но зачем так много соли?
Для борща, для каши, что ли?
Собирается обед
Наварить на целый свет?
И у дяди Никанора
Так и хочется спросить:
— Может, в гости весь наш

город

Вы решили пригласить?
Что такое? Что такое?
Вдруг берёт он соль рукою.
Видно, вздумал пошалить:
Мостовую стал солить!
Мы сдержат не в силах смех:
Посыпает солью снег!
А прохожие подряд
Все его благодарят.
Стал не страшен лёд нисколько.
Хватит падать нам с тобой;
Во дворе теперь не скользко
На солёной мостовой!

«БЕЗНОГИЕ ГОЛОВОНОГИЕ»

НОГИ НА ГОЛОВЕ

Однажды меня вызвали в издательство, где делают книги о животных, и сказали:

— Соберитесь на Дальний Восток. Нам нужны фотографии головоногих.

— Каких головоногих? — удивился я.

— Обыкновенных: осьминогов, каракатиц, кальмаров. Книга про них готова, а фотографий нет.

Я вспомнил: головоногие — это морские животные, у которых ноги-щупальца растут на голове.

— Ой, как далеко! — сказал я. — Нельзя ли поближе? У меня скоро отпуск. Я щук ловить собрался. Вдруг лето пропадёт.

— Не пропадёт, — ответили мне. — Поймаете ещё своих щук. Соберитесь и поезжайте.

И я поехал.

ОСТРОВ В МОРЕ

Через неделю я был уже на Дальнем Востоке, в Японском море, на острове.

Остров был зелёный-зелёный, только над ним всё время висели облака. С моря на остров наползали туманы. Они катились по земле и оставляли на траве, на камнях, на листьях серые капельки воды.

На острове жили рыбаки. Каждое утро рыбаки уходили в море, а вечером их жёны и дети собирались на причалах встречать суда.

На каждом причале стоял длинный дощатый лоток. В лотки насосы качали воду. Рыбачьи судёнышки-сейнеры подходили к причалам, рыбаки сваливали рыбу в эти лотки, и она текла вместе с водой прямо в цех, на рыбный завод.

ЧАН И ВЁДРА

Я, как приехал, так сразу же пошёл на завод узнавать, как тут можно снять головоногих.

— Ну, это просто, — сказали мне на заводе. — Все рыбаки подчиняются начальнику лова. Он пошлёт вас на сейнер. Будете ходить в море, спускаться на дно в водолазном костюме. Там и осьминоги, и каракатицы, и кальмары — только снимай.

— А где начальник? — спросил я.

— Только что был. Носится где-то здесь. А вот и он сам!

За стеной цеха что-то затарахтело, и прямо к дверям подъехал на мотороллере человек в клетчатом свитере.

«Сразу видно — начальник! — подумал я. — Все по заводу пешком ходят, а этот — на мотороллере!»

И я рассказал ему, зачем прибыл на остров.

— Всё ясно, — сказал начальник. — Идите на сейнер, я прикажу дать вам водолазный костюм. Вы под воду спускались?

— Несколько раз. Но, видите ли... Дело в том, что я тороплюсь. У меня отпуск. Мне бы как поскорее.

— Ах вот оно что! — сказал начальник. — Тогда снимайте в чане.

Он отвернулся от меня, пнул ногой свой мотороллер. Трах-тах! — мотор завёлся, и начальник умчался.

Тогда рабочие повели меня на берег моря к цементным чанам. В этих чанах солили рыбу. Несколько чанов стояли пустые и заброшенные.

— Этот подойдёт?

Я наклонился над чаном. В нём давно ничего не солили. На дне его лежали битые кирпичи, смятый голубой таз и чёрная эмалированная дощечка: «Вход воспрещён».

«Видно где-то разрешили вход!» — подумал я, а вслух сказал:

— Подойдёт!

Рабочие притащили из пека пожарный шланг и напустили в чан солёной морской воды. Потом они сбегали на причал и вернулись оттуда с тремя ведрами.

— В этом ведре осьминог, — сказали они, — в этом каракатицы, а здесь — кальмары.

Ногастый осьминог не помещался в своём ведре. Он был студенистый и всё время вытекал из него.

Кальмары метались и брызгались.

Только каракатицы сидели спокойно.

МАТРОС ПАША

Головоногих бросили в чан, и они разбежались во все стороны. Осьминог забился в угол. Он сидел там красный, злой, тяжело дыша. На поверхности воды над ним то вздувался, то опадал маленький бурун. Я присмотрелся: из-под щупалец осьминога торчала какая-то трубка. Она раздувалась и сжималась — осьминог дышал.

Коричневые кальмары носились от одной стенки к другой. Они то плавали как рыбы — шевеля хвостами, то мчались задом наперёд, выталкивая из себя струи воды. Точно ракеты.

Зелёные каракатицы копошились на дне.

— Смотрите, сейчас перекрашиваться, прятаться будут! — сказал кто-то.

Верно, две каракатицы забрались на осколки кирпичей и стали кирпичного цвета. Третья залезла на дощечку «Вход воспрещён», стала чёрной и покрылась пятнами, похожими на бледные буквы.

Смеркалось.

— Ну, теперь всё в порядке! — сказал я. — Большое спасибо вам, выручили. Завтра же я их чик-чик и сниму. Только надо кого-то попросить, чтобы ночью присмотрели за чаном.

— А тут на причале всегда матрос. Он и присмотрит, — сказал один из рабочих.

— Давайте матроса.

— Тётя Паша!

«При чём тут тётя Паша?» — подумал я.

К чану подошла женщина с красной повязкой на рукаве.

— Тётя Паша, — сказали ей, — тут у приезжего товарища в чан животные посажены. Ты присмотри за ними ночью.

— Есть присмотреть! — ответила матрос тётя Паша. — Куда они денутся? Чай не летают. И безногие.

— Не летают! — сказал я. — И безногие. — Но вы всё-таки присмотрите.

И пошёл спать.

ГДЕ КАЛЬМАРЫ?

Рано утром я прибежал к чану.

— Привет! — сказал я тёте Паше. — Как ночь?

— Никто к чану не подходил, — ответила тётя Паша. — Привет!

«Хорошо! — подумал я. — Сейчас снимем!»

Наклонился над чаном, стал считать своё хозяйство. Осьминог на месте, каракатицы на месте, кальмары... Кальмаров нет.

— А где кальмары?

— Там.

— Нету.

Осмотрели мы с тётей Пашей весь чан. Нет кальмаров.

— Н-да! — сказал я. — Таинственное исчезновение. Не по воздуху же они улетели!

В это время мимо проезжал начальник лова. Я хотел было спросить его, куда могли деться кальмары, но мотороллер обдал меня струёй дыма, и начальник — трах-тах-тах — промчался мимо.

— Всё ему некогда, — сказала тётя Паша, — и носится и носится. Я уже целый месяц не могу с ним поговорить. Стара стала: мне бы с причала перевестись в какое тёплое место... А вы уже что, снимаете?

— Ага, каракатиц.

— Да их и не видеть. Мусору-то сколько на дне.

— Ничего, — сказал я. — А впрочем, можно и почистить.

ГДЕ КАРАКАТИЦЫ?

Я сбегал в цех, достал резиновые сапоги, натянул их и залез в чан. Стою по колено в воде, достаю кирпичи. Сначала их по одному выбрасывал, потом стал в таз собирать. Наберу полный таз, отдам тёте Паше, та его к морю — и высыплет. Убрали мы с ней камни, выбросили «Вход воспрещён», выкинули таз. Стало дно чистое.

— А где каракатицы? — вдруг спрашивает тётя Паша.

Посмотрел я — в чане один осьминог.

Видно, мы и каракатиц выбросили. Вот что значит уметь камнями прикидываться! И когда это они успели в таз впрыгнуть? Хорошо, что я их уже снял.

Займусь-ка я осьминогом.

Взвёл я у аппарата затвор, подошёл к самому краю чана. Осьминог увидел меня, закопошился. Я ближе к нему, он — от меня. Как серое облако приподнимается и катится прочь. Бегаем друг за другом. Разве так снимешь?

Надел я снова сапоги, залез в чан. Загнал осьминога в угол, навёл на него аппарат. Тут осьминог как вздрогнет. Из трубки его в воду тёмная струя как ударит. Расползлась вокруг осьминога чёрная дымовая завеса, стал чан похож на громадную чернильницу.

Махнул я рукой и вылез.

Долго сидел, ждал, пока осядет чернильное облако.

Наконец осело. Вижу — всё дно покрыто чёрными хлопьями. А осьминог сидит в углу, усталый, бесцветный. Какие тут съёмки!

Отошёл я от чана, сел на перевёрнутый ящик, вот тебе и чик-чик!

— Гражданин! — раздался тёти Пашин голос. — Смотрите-ка, удирает!

Я обернулся. Над чаном торчали два чёрных осьминожьих глаза.

КАК УБЕГАЛ ОСЬМИНОГ

Глаза исчезли, и над стенкой показались кончики щупалец. Щупальца переползли через край и, как змеи, соскользнули вниз.

Осьминог трогал ими песок.

Песок был сухой, колючий.

— Может, обратно его толкнуть? — спросила тётя Паша.

— Не надо.

Осьминог отдернул щупальце — песок ему не понравился. Приподнялся над краем чана, выставил между щупалец трубку и пустил из неё на землю длинную струю воды.

Потом он перевалил через край вислое, как мешок, тело, опустился на мокрую землю и пополз по ней.

До воды ему было шагов десять. Сначала он полз быстро, потом всё медленнее. Наверное, песок царапал его мягкое тело. Осьминог побагровел и стал шумно, со свистом дышать.

— Придётся ему помочь! — сказал я.

Но осьминог дополз сам. Он выпустил вперёд на разведку одно щупальце. Оно коснулось воды. Тотчас же всё тело животного подтянулось, собралось в тугой шар и снова заскользило по песку. В воде осьминог сразу же повернулся, набрал в себя воды и выбросил её сильной струёй на берег. От толчка щупальца его сложились, как прутья зонтика, тело вытянулось, и он поплыл

вдоль причала. Он плыл, то раздувая, то сжимая тело, потом изогнулся и, взмахнув щупальцами, исчез в глубине.

— Ишь как пошёл! — сказала тётя Паша. — Не захотел сидеть в яме.

Я вздохнул.

— Не захотел. Что теперь делать будем, тётя Паша?

НЕ ТОРОПЯСЬ

В это время к нам подошёл начальник лова.

— А где ваш мотороллер? — удивился я. — Испортился?

— Да нет. — Начальник даже смутился. — Я решил походить. Понимаете, на машине большая скорость, проскакиваешь людей, не успеваешь даже поговорить с ними. Вот вы, например, как ваши головоногие?

— Разбежались. Безногие, а удрали. Ничего не получилось.

— Ага! — сказал начальник лова. — Я так и думал. Только не успел вам сказать. Все убежали?

— Все.

— Что думаете делать?

— Право, не знаю. Может, ещё раз попробовать?..

— Бросьте! Видите сейнер? Сегодня он уходит на ночной лов кальмаров. Идёмте с нами. Будете плавать, снимать. Только оденьтесь потеплее — в море холодно.

КУСОЧЕК ЛЕТА

Я стоял на мостике сейнера и смотрел, как рыбаки готовят снасти на кальмаров. Сейнер неторопливо шёл вперед.

Вдоль бортов висели катушки с ручками. Рыбаки вертели их и наматывали на катушки блестящие капроновые лески. Вместо приманки на лесках висели жёлтые и красные пластмассовые подвески с крючками.

Вдруг у самого борта кто-то выскочил из воды, пронёсся над палубой и шлёпнулся далеко впереди в воду.

— Рыба играет! — сказал я.

— Это не рыба, а кальмар, — поправил меня начальник лова. Он стоял рядом. — Кальмары так и на полубу залетают. Бывает шлёпнется и пропал — осох!

Я вспомнил, как исчезли из чана кальмары и засмеялся. Так вот куда они делись: улетели по воздуху!

— Вы что смеётесь? — удивился начальник.

— Да нет, это я так. Понимаете, хотел поскорее сделать снимки и вернуться. Отпуск у меня вот-вот, а я любитель-рыболов. Щук думал половить. Лето под Москвой тёплое. Здесь оно как?

— Кусочками: холодное, тёплое, опять холодное.

В это время облака над морем разошлись и выглянуло солнце. Вода из серой стала синей. На мостике потеплело.

— Вот и кусочек лета, — сказал начальник. — Успеете вернуться к своим щукам... Вы ночной лов когда-нибудь видели?

— Нет.

— Ахнете.

НОЧНОЙ ЛОВ

Сейнер всё плыл и плыл. Я спустился в каюту и уснул.

Ночью меня разбудили.

Я поднялся по узенькому железному трапу на палубу и ахнул.

На спокойной ночной воде покачивался целый город. Десятки судов стояли на месте и у всех между мачтами горели голубым огнём цепочки электрических ламп.

У бортов теснились рыбаки. Они вертели ручки катушек, капроновые лески убегали вниз в глубину и возвращались, таща на крючках пляшущих, щелкающих хвостами кальмаров.

— Осторожнее, берегите глаза! — крикнул мне начальник лова.

Он тоже стоял около катушки. На жестяном лотке перед ним бились сразу три или четыре кальмара. Они плевались, выпускали из себя струи воды и тёмной чернильной жидкости.

«Это от неё надо беречь глаза», — догадался я.

Я поднял фотоаппарат, включил лампу-вспышку и начал фотографировать.

При ярком голубом свете и люди, и кальмары, и само судно казались ненастоящими, вымышленными. Лица рыбаков были зелёные, куртки лиловые, кальмары на палубе — черные.

— Что стоишь? — крикнул мне кто-то. — Вон свободная!

Я подошёл к свободной катушке, повернул её ручку, из воды, трепеща и брызгаясь, показался кальмар.

«Зачем это я? Мне ведь нужны живые, непойманные!»

Я свесился с аппаратом через борт.

Там из чёрной глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Они плыли как рыбы, держа строй, вытянув вперёд щупальца, тараща чёрные пуговичные глаза.

Они, наверное, не видели сейчас ничего, кроме голубого света наверху и пёстрых блестящих подвесок.

Вытянув вперёд щупальца, кальмары плыли прямо на них.

ЗА ОСЬМИНОГОМ

— Ну вот, а теперь сходите в море с водолазами. Попросите их достать вам осьминога, а потом снимите его под водой, — сказал мне через несколько дней начальник лова.

И я пошёл на водолазном катере, с которого добывали раковины — мидии. Шкипер, старшина катера, объяснил водолазу:

— Мидии само собой, а увидишь осьминога тоже бери. Товарищу из города нужно. Понял?

— Понял.

Мы стояли на якоре около небольшого островка.

На водолаза надели костюм. Он взял в руки верёвочный мешок — питомзку и шагнул за борт на ступеньки железной лестницы. Запустили мотор — качать водолазу воздух, поставили на плечи медную голову — шлем, привинтили его, шлёпнули по макушке: пошёл!

Водолаз опустил руки, повалился в воду. В том месте, где он исчез, всплыло целое облако белых пузырей.

Мне протянули телефонную трубку:

— Слушай!

— Кого?

Водолаза.

В трубке было слышно, как врывается в шлем воздух — пуф! пуф! Как кричат, наклоняясь за мидиями, водолаз.

Белая дорожка пузырей тянулась от катера к берегу. Она тянулась за водолазом как хвост.

Там под водой шёл по дну человек в раздутом большеголовом костюме и тащил за собой резиновый шланг, телефонный провод, сигнальную верёвку.

— Подбери! — командовал мне водолаз.

Мы со шкипером подбирали — вытаскивали на катер лишние метры шланга.

Белая дорожка пузырей повернула от берега назад.

— Ушёл, — слышалось вдруг в трубке.

— Кто ушёл? — заволновался я.

Водолаз не ответил. Он вернулся под катер, и ему бросили на дно верёвку с крючком. За верёвку вытащили питомца, полную чёрных раковин. Они были похожи на огромные семечки.

— Почистят, сварят, будут консервы! — сказал шкипер.

Водолаз теперь ходил около самого катера. Пуф! Пуф! — шумело в телефонной трубке.

Вдруг в трубке защёлкало, забормотало. Вода за кормой катера закипела, и в облаке пузырей показалась зелёная рубаша водолаза. На ней шевелилось что-то красное, ногастое.

— Осьминог! — закричал я.

Из каюты выскочил моторист и матрос. Вместе со шкипером они подтащили водолаза к борту.

— Раз! Два! — мы перевалили водолаза вместе с добычей через борт.

Здесь осьминог отпустил человека, со свистом втянул в себя воздух, зашипел, начал горбиться, расти вверх. Щупальца с белыми присосками укорачивались, поджимались. В полузакрытых глазах чернел испуг. Морщинки сбегались вокруг глаз.

Я поднял аппарат и сделал снимок, второй. Теперь самое главное — снять его под водой. Водолаз разделся, и его медноголового костюм натянули на меня. Для подводных съёмок у меня был аппарат в водонепроницаемом чехле. Я взял его в руки, и меня опустили за борт.

Надо мной засветилось серебристое небо — поверхность воды. Внизу зачернела, заиграла пятнами земля — морское дно. Я повис

между небом и землёй. Над головой парил, как дирижабль, катер. Качалась спущенная в воду лесенка.

— Готов? — спросил по телефону шкипер.

— Готов.

На ступеньках лесенки показались чьи-то резиновые сапоги. Потом в облаке пузырей появилось тело осьминога. Оно плавало над мной, как большой розовый зонт.

Я начал снимать его.

Поняв, что он на свободе, осьминог сложил щупальца и поплыл вниз, раздувая и сокращая тело. Когда он проплывал мимо меня, я снова увидел его глаза. Они были печальные и усталые. Вокруг глаз белели морщинки.

Осьминог сделал круг подо мной и сел, как на парашюте, на дно. Невдалеке от него белела грудка камней. Клубясь и раздуваясь, осьминог двинулся к камням. Он успокаивался и был уже не розовый, а серовато-зелёный. Дойдя до камней, он выбрал щель поуже и начал забираться в неё. Щель была маленькая, а осьминог большой. Он плющился, тянулся как резина, вползал. Через минуту его уже не было видно. Потом из расселины снова показалось щупальце. Оно на ощупь выбрало плоский голыш и скрылось, заслонив камнем вход.

Дверь заперта. Теперь можно отдыхать. Можно приходить в себя. Наверное, это очень страшно — встретиться с человеком и быть вынутым из воды!

Я сказал: «Всё!» — и меня начали поднимать.

Всё. С головоногими всё.

В МОСКВЕ

Когда я пришёл в издательство, там долго рассматривали мои снимки.

— Так. Осьминог.. Кальмары... Отлично! А где каракатицы?

— Вот тут.

— Простите, здесь одни кирпичи.

— Тогда вот тут.

— А здесь какая-то дощечка «Вход воспрещён». Зачем вы её сняли?

— Понимаете, тут и каракатицы есть. Только их плохо видно — они замаскировались. Вы присмотритесь.

— Где?.. Вот это?.. А-а! Смотри, какие хитрые! Отличная фотография. Мы так её и назовём: «Где каракатицы?» Ну, как лето на Дальнем Востоке?

— Кусочками.

— Вы теперь в отпуск? Ловить щук?

— В отпуск. Только ловить щук расхотелось. Вы знаете, что такое ночной лов кальмаров?

И я рассказал им о том, как качается на воде целый голубой город и как всплывают к нему из глубины стаи головоногих.

— Они плывут и шевелят щупальцами, — рассказывал я.

ПЕШЕРЫЕ ЗАМЕТКИ

ВЕРХОМ... НА СОМЕ!

Помощнику машиниста тепловоза из Актюбинска Александру Колеснику привелось покататься верхом на... соме.

Работники депо выехав отдохнуть на реку Карахобду, решили порыбачить. Чтобы добыть наживку, Александр пошёл на отмель. В воде заметил бревно и решил сесть на него. Только сел, как «бревно» поплыло. Колесник упал в воду.

Большая рыба не смогла сразу пробиться через мель, и Александр снова забрался на сома и схватил его под жабры. Сом опять сбросил его. Трижды пытался оседлать Колесник сома и всякий раз слетал с него в воду. Тогда он позвал на помощь товарища. Вдвоём они вытащили рыбу на берег. Длина её оказалась около двух метров.

СУДАК-ЗМЕЕЛОВ

Балхашским рыбакам в устье реки Каратал (Казахская ССР) попался в сети судак, в желудке которого обнаружили... полутораметрового ужа.

Судак давно известен своей прожорливостью, и нередко в озере Балхаш

попадают губастые судачки с окунем во рту. Целиком проглотить окуня он не может, вот и плавает с добычей во рту. Переварит голову, а затем заглатывает остальное. Судак же змеелов попался впервые.

ТАЙНА «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ»

Группа спелеологов обследовала пещеры в долине Сучана и Майхе (Южное Приморье). В одном из гротов на горе Змеиной они обнаружили скульптуру, которую назвали «спящей красавицей».

Когда спелеологи проникли в пещеру, их взорам предстало удивительное зрелище: на одном из кальцитовых натёков неизвестный скульптор изваял женское лицо. При свете фонарей оно было прекрасно.

Пока ещё не ясно, кто автор скульптуры и когда она сделана. Сюда в скором времени направится группа учёных.

НАШЛИ ВЫХОД

В джунглях Бирмы полно пантер. Однако в зоопарке Рангуна (столица Бирмы) не было ни одной пантеры. Дирекция зоопарка решила покончить со столь ненормальным положением.

Пантеры скоро придут в зоопарк из... Берлина!

ОТ ЛИМПОПО ДО СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Более 12 000 километров, от берегов африканской реки Лимпопо до Северной Двины, проделал... кулик. Его подстрелили в окрестностях города Красавино Велико-Устюжского района.

На лапке убитой пти-

цы было надето кольцо. Охотник отослал его в Москву, в центр кольцевания птиц при Академии наук СССР. Оттуда сообщили, что кольцо было надето на лапку кулика на месте зимовки птиц в Южной Родезии.

...бывает «молочное шампанское»? Так называли пенистый напиток, выпуск которого освоен на Рижском молочном комбинате. Изготовленный из молочной сыворотки, напиток содержит значительное количество углекислого газа и молочной кислоты, полезные минеральные соли и витамины.

★

...в северо-западной части Чёрного моря на глубине от 15 до 40 метров растёт морская трава — филлофора? Это ценнейшие водоросли, из которых добывается агароид, употребляющийся в пищевой промышленности, как желеобразователь. Если вы ели мороженое, знайте: оно приготовлено при помощи агароида.

★

...в штате Невада (США) во время прокладки туннеля на глубине около 100 метров в слое соли были найдены давно вымершие рыбы? Их возраст — около 10 тысяч лет. Рыбы оказались мягкими и съедобными, но как только их подняли на поверхность, они сразу же стали твердыми, как камень.

★

...у одного из жителей города Диошдьера (Венгрия) в двадцати аквариумах обитает 3500 различных рыбок, среди которых немало тропических?

...мастер Клайпедского комбината «Дайле» Ф. Григас является обладателем интересной коллекции из янтаря? За 8 лет Григас накопил богатейшее собрание янтаря различных форм и оттенков — от золотистого до красного и зелёного. В янтаре — окаменевшие куски коры древних деревьев, следы обитателей давно минувших эпох. Одинадцать килограммов редчайших образцов «балтийского золота» коллекционер передал в дар единственному в стране Палангскому музею янтаря.

★

...гигантскую солнце-рыбу обнаружили в Тасмановом море моряки советского научно-поискового судна «Гневный»? Выстрелили из гарпунной пушки с расстояния в десять метров, но гарпун, согнувшись, отскочил после удара о бок гиганта. Только после десятого выстрела гарпун проник в тело. С помощью судовой лебёдки рыбу вытащили на палубу. Длина её превышала четыре метра, высота — около двух метров, вес — тысяча пятьсот килограммов. Один только глаз весил семь килограммов!

★

...вышел первый номер газеты, напечатанный не на бумаге, а изготовленный из... пластмассы? Газете «Вуа л'омм гренуй», к изданию которой приступил молодёжный клуб Нормандии (район Франции), не угрожает опасность быть разорванной.

★

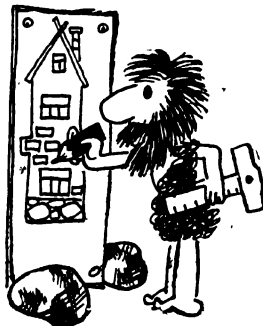
...во время дноуглубительных работ на реке Везер было обнаружено затопленное хорошо сохранившееся торговое судно? Как показали дальнейшие обследования и найденные на судне предметы, оно пролежало под водой более 600 лет. Сейчас в Бремене предполагается осуществить реставрацию судна и установить его в краеведческом музее города.

★

...в Германии в период 1914—1924 годов были выпущены монеты из фаянса и фарфора? Эти необычные деньги свидетельствовали о бедственном положении страны. Сейчас редкий коллекционер является обладателем необычных «глиняных» денег.

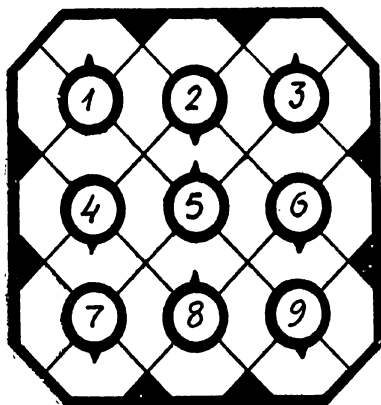
★

...английский палеонтолог Дж. Кларк нашел на территории Родезии (Африка) древний дом? По предположению Кларка, дом был построен доисторическим человеком 57 тысяч лет назад! Дом сложен из камня, в нём сохранились четыре стены, дверь и крыша.

КРОССВОРД

(Составила Таня ИГНАТЬЕВА и Алёна КУЗНЕЦОВА)

В этом кроссворде все слова — четырёхбуквенные, причём каждое слово читается вокруг своей цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной «клинышком».

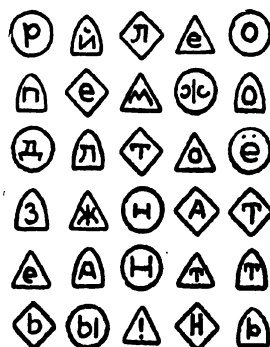
1. Советский эстрадный артист, певец. 2. Род искусства. 3. Начало суток. 4. Цифровой знак. 5. Предприятие горнодобывающей промышленности. 6. Возвышенность. 7. Месяц. 8. Дорога. 9. Часть окружности.

Отдел ведёт В. Акентьев

КРИПТОГРАММА

(Составила Таня БАЛАКТИНА, г. Кронштадт)

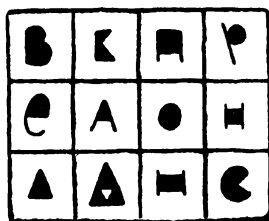

В этой криптограмме зашифрован афоризм.

Как прочесть криптограмму?

ХОДОМ КОНЯ

(Составила Вера БЕРЕЗЯКИНА)

Ходом коня здесь можно прочесть название литературного произведения.

Это всем хорошо известная басня. Поэтому можно и не указывать, откуда нужно начинать, — не так уж трудно догадаться...

РЕБУС

(Составил Андрей КУЗНЕЦОВ)

Разгадав этот ребус, вы прочтёте пословицу.

КОШКА...

Вот какую кошку нарисовал Саша Шуляков.

Саша думает, что сделал это «одними цифрами». Так ли?.. Посмотрите внимательно.

Проверь себя

Ютветы и «Искорне»

№ 11 и 12 за 1967 г.)

КРОССВОРД

По вертикали. 1. Лимон. 3. Кубок. 4. Попов. 6. Кутузов. 7. Пантера. 10. Бак. 11. Ярл. 14. Анггар. 15. Колос. 18. Копия.

По горизонтали. 2. Кий. 5. Мухомор. 8. Кузов. 9. Гопак. 12. «Парус». 13. Шторм. 16. Сосна. 17. Кобра. 19. Паводок. 20. Вид.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

Словом комара не убьёшь,

РЕБУС-ШУТКА

«Вокруг света на „Коршуне“»

ПО ДВЕ БУКВЫ

Одна рука и узла не завяжет,

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Грамм. 6. Кедр. 7. Июль. 8. Аялан. 9. Анод. 11. Арка. 14. Ода. 16. Мышьяк. 17. Кобура. 18. Аут. 20. Агат. 23. Тема. 25. Атака. 26. Грин. 27. Нета. 28. Артек.

По вертикали. 1. Багдад. 2. Веря. 3. Град. 4. Мина. 5. Блок. 9. Алыча. 10. Ольга. 12. Рабле. 13. Аорта. 14. Ока. 15. Акт. 19. Урарту. 21. Горн. 22. Тана. 23. Танк. 26. Матч.

ЗВЕЗДОЧКА

Пилот, Ирина, лидер, Онега, та-ран.

МИКРОРЕБУС

Околица.

ЗАГАДОЧНАЯ НАДПИСЬ

Сено.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

«Песня о Соколе».

Содержание

Пароход идёт на Валаам Стихотворение Ивана Демьянова	1
Все смотрите мой пенал! Как-нибудь... Команда. Рассказы Виктора Голявкина	4
Это было в блокаду... Рассказы Вольта Суслова	11
Умный заяц. Рассказ Б. Михайлова	21
В зимнем лесу. Стихи Ивана Антонова	22
Радиус земного шара. Рассказ Н. Дзгоева	24
Полезный камень. Рассказ С. Воскресенского	28
Тимкины крылья. Продолжение повести К. Курбатова	35
Китеж-град. Стихотворение Валерия Самсонова; Вот в чём соль! Стихотворение Ярослава Пишумова	52
«Безногие головоногие». Рассказ С. Сахарнова	53
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Новогодний карнавал».	
На 3-й странице обложки фототюд Г. Сафонова «Тренировка на снегу».	
На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Елка-отгадка».	

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115.

Сдано в набор 23/XI 1967 г. Подписано к печати 16/1 68 г. 4 печ. л.
М-24020 Заказ № 1904. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10. коп. Тираж 70500 экз.
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЦЕНА 10 КОП

